

Нана Блик

Annotation

Роман-мистика «Наоми» является продолжением мистического романа «Лилиан», в котором также повествуется о жизни Лилиан, только уже через призму восприятия ее дочери Наоми, которая, как ни странно, абсолютно не разделяла маминых идеалов, омрачая ей выстраданное женское счастье. Но бунтарке Наоми быстро помогли понять: чего стоит она, а чего стоит Лилиан, правда, такой ценой, которую заплатить она была вовсе не в состоянии.

Нана Блик

Наоми

*Как жаль, что плата за ошибки твоей грешной жизни будет
взиматься не с тебя.*

Знал бы заранее – многого бы не делал!

Лулиан Саммерс

Как заставить кого-то ценить и уважать чужую, да ещё и человеческую жизнь? Как доказать, что чьё-то пускай и не очень успешное или удачное существование кому-то да всё-таки нужно? Никто и никогда не сможет прочувствовать по-настоящему чужую радость или боль, пока не окажется на его месте или, лучше сказать, не примерит на себя его «шкуру». Собственные достоинства и недостатки окончательно сойдут на нет, когда твоя душа будет бежать по коридорам чужой судьбы, спотыкаясь о выступающие пороги и натываясь на непонятно кем воздвигнутые бетонные стены. Это ни столько больно и неприятно, сколько обидно. Обидно осознавать, что твои, как ты сама себя всегда убеждала, глобальные проблемы, беды и радости ничто по сравнению с этими, на первый взгляд обычными, мучения человека. И понимание всего этого придёт тогда, когда почти уже иссякнут силы твоей, казалось бы, бессмертной души. И тот последний шанс, который позволит тебе осознать это, будет, возможно, единственным в твоей жизни, но по-другому нельзя. Бесчувственный монстр может стать человеком, но только тогда, когда в его теле вспыхнет искра живого добра. В моём теле вспыхнула, но только с большим опозданием. Кто бы мог подумать, что число возможных попыток для меня будет величиной слишком малой и несоразмерной с моим мнимым величием. В одиннадцатой из возможных тринадцати попыток она всё-таки загорелась, но только этого оказалось для меня недостаточно, и моё тело в отсутствии безликой, но всё же души окончательно стало чужим, полностью отдаваясь порокам сидящего внутри монстра, чья кровь с рождения текла по моим венам, а поначалу всё казалось мне не таким уж плохим, особенно этим погожим июньским деньком.

Глава 1

Желание

*Когда душа твоя чиста,
Откроются тебе места,
Но, слишком много очищая,
Ты будешь жить, изнемогая.*

Лилиан Саммерс

Первая неделя славного летнего месяца, на удивление, выдалась жаркой. Температура за тридцать и дождь всего пару раз за неделю, несомненно, не могут не радовать. Жара всегда была у нашей семьи в почёте, особенно это касается меня, мамы и бабушки, которого, кстати, за семнадцать лет своей жизни я ни разу не видела. Сегодня вечером мой выпускной. Лёгкое воздушное шифоновое платье длиной чуть выше колена выполнено в греческом стиле. Материя цвета умеренной по силе морской волны, освещённой последними лучами уходящего солнца, придаёт этому вечеру налёт романтической грусти. Жаль, что не это настроение придётся брать с собою на праздник. Всё, что мне сейчас нужно, так это заветная корона королевы выпускного школьного бала, и я сделаю всё лишь бы увенчать свою голову ею.

До школы я добираться сама. Подаренный мамой огненно-красный «Форд Мустанг» ещё довольно резво летает по улицам, потому что дядя Эрик буквально не вылезает из-под капота этой жгучей лошадки. С учётом своеобразной специфики нашего семейства подруг у меня нет и быть, наверное, не должно, впрочем, это касается и моего парня тоже. Да, честно сказать, он мне не особо и нужен.

Захожу в здание своей школы, позируя фотографу у самого входа. Свет от диодных огней и неоновых ламп моментально отражается от моих кудрявых рыжих волос, спадающих на хрупкие белые плечи, а глаза цвета нефрит наполняются блеском нескончаемого подросткового веселья.

Весь вечер я танцую и общаюсь со всеми так, что ни у кого даже и в мыслях не возникает ощущения того, насколько я одинока.

Наконец музыка прекращается, и взволнованный от паров алкоголя и природной стеснительности директор решается произнести речь, в кульминации которой он и объявит всем королю и королеву этого бала. Стою, пропуская мимо ушей его лестные речи и напутственные лозунги и призывы, и просто прокручиваю в своей голове возможную речь после вручения мне долгожданной короны.

– Королём этого бала мы провозглашаем Томаса Льюиса! – директор чрезмерно улыбается, словно это и его огромная заслуга и радость.

Я, кстати, ничуть и не сомневалась в том, что толпа изберёт себе такого кумира. Красив, хорошо сложен и глуп – чего ещё можно ждать от представителей кукольной молодёжи!

– Честью носить корону и титул королевы нашего вечера удостоена, – произносит директор, а я останавливаю бег своих мыслей, чтобы как можно чётче услышать своё имя, произнесённое из этого слегка подпившего рта, который, остановившись всего на секунду,

резко выпаливает, – несравненная Люси Джонсон.

Мой мир сотрясается, вся скопившаяся злоба разом всасывается в мои кровеносные сосуды и растекается по всему телу. Пристально слежу за блондинкой, вбегающей резво на сцену, и осознаю, что ненавижу её всем своим страшным нутром, и в момент, когда её худосочные пальчики касаются моей заветной мечты, я просто закрываю глаза с невероятным желанием, чтобы эта особа никогда не смогла водрузить себе эту корону.

И она падает, причём замертво. Ещё секундой ранее молодой растущий и пышущий радостью организм моментально превращается в безжизненное не имеющего ни единого шанса на спасение тело. По залу расходятся крики и лёгкая паника, достигающие в скором времени небывалого уровня шума, сквозь который я отчётливо слышу пронизывающий мою душу мамин ужасающий вопль: «Наоми, как ты могла? Неужели все твои желания, страдания и усилия были напрасны, и годами скрываемый монстр всё-таки сможет вырваться из тебя на свободу?». И тут-то мой тумблер срабатывает на отключение, и я теряю сознание.

Темнота. Меня окружает сплошная непроглядная тьма. В лёгкой панике, пытаюсь понять, где же я всё-таки нахожусь, осторожно ощупываю предметы, расположенные вокруг меня. Дотягиваясь рукой до чего-то мягкого, вмиг наощупь узнаю своего единственного рыжего друга – лисёнка по имени Лаки, подаренного мне на пятилетие моей сумасшедшей семьёй. Вздыхаю от облегчения, что я не где-нибудь, а в собственной комнате своего любимого дома. Притягивая Лаки в свои объятия, я погружаюсь в эмоционально тяжёлый, но относительно крепкий сон с твёрдой решимостью завтра уладить все свои разногласия с мамой.

Утро. Часовая кукушка прочиркала семь раз, оповещая мне точное время. В моей комнате ещё темно. Первые прямые лучи летнего солнца коснутся стекла моей спальни лишь после полудня, так как окна комнаты, расположенной в одной из боковых башен нашего готического особняка, выходят на запад, демонстрируя во всей красе мне величественный и живописный закат. Никогда не понимала и не поддерживала своего отца в том, как он может так любоваться рассветом. Что такого животрепещущего папа находит в окрашивании блёклым изнеженным светом погружённых во тьму домов и деревьев? То ли дело закат. Всё окрашивается в золотистые сиренево-красные тени, излучая благородство и стать. Огромная сила, поначалу заставляющая любые предметы сиять, моментально погружает всё в темноту, оставляя в воздухе дымку таинственности и недосказанности, перед которой все равны – все без исключения стоят пред ней на коленях.

Лежу, обнимая Лаки, и осматриваю комнату на предмет изменений, но всё здесь в точности, как и было до выпускного, только теперь моё лёгкое шифоновое платье висит не в шкафу на передней вешалке, а сложено на спинке стула у будуарного столика. На мне надета моя любимая пижама с ушками кролика на капюшоне и большой морковью, торчащей из нагрудного подобного сумки кенгуру кармана. Раз я ничего больше не помню, кроме ужасного маминого крика, значит, мне довольно сильно досталось, но даже несмотря на всё это, я переодета и благополучно лежу в своей удобной постели. Мама всегда была мягкотелой. Конечно, в сравнении с другими она тот ещё монстр, но вот в отношении меня она явно испытывает небывалую слабость. Ах, мама, моя милая мама!

– Гляжу, ты проснулась! – тяжёлый мамин голос вырывает меня из раздумий.

– Как видишь! – произношу я слишком нагло и самоуверенно, давая ей чётко понять, что чёрта с два я признаю себя виноватой.

– Наоми, прекрати! Ты хоть раз можешь мне не перечить! – закричала мама, что в

принципе было для меня неожиданно, так как прежде она всегда была со мной более сдержанна.

– Мама прости, просто я защищаюсь, – произнесла я уверенно, не испытывая абсолютно никакой вины за собою.

– Защищаешься? Наоми, детка, что ты несёшь? От кого ты сейчас защищаешься? Тебе никто и никогда не то, что не угрожал, а даже и не пытался этого сделать, – мамин голос постепенно переходил на шёпот. Она села ко мне на кровать, склонив голову и зажав её крепко руками. – За что ты убила эту юную девушку?

– С чего ты взяла, что это была я? – я всё ещё пыталась отнекиваться.

– Прекрати, последний раз говорю! – Я закрыла уши руками, потому что крик был просто невыносим.

– Ей явно по ошибке вручили принадлежащую мне корону королевы выпускного бала, – произнесла я быстро, нисколько не сомневаясь в своей правоте.

– Ты заставила её сердце остановиться из-за какой-то короны? – мама от ужаса вцепилась когтями в свои бледные землисто-зелёные щёки так сильно, что алая кровь потекла по её длинным рукам, скапывая с локтей мне прямо на одеяло.

– Корона моя! Ей она ни к чему! – огрызнулась я ещё раз.

– Наоми, ты даже не называешь эту девушку по имени. Неужели тебе настолько она безразлична? Ты же вместе с ней проучилась больше десяти лет.

– Мама, это же человек! Всего лишь простой, обычный, заурядный человек! Что ты так кипятишься по этому поводу, я до сих пор понять не могу! – Я отбросила Лаки на пол и резко встала с кровати. – Ты чересчур переживаешь по этому поводу. Ну, одним человеком больше, одним меньше – какая нам разница!

– Дочь, не всё в жизни так просто. Если ты будешь убивать не тогда, когда нужно, а когда ты сама захотела, то нарушится первоначальный порядок и постепенно наступит хаос как на земле человеческой, так и в твоей, ещё надеюсь, не совсем безнадёжной душе. Не превращай сама себя в монстра, у тебя и так не было выбора, поскольку ты им и родилась. Не наполняй оболочку ещё и демоническим содержанием. Поверь, это сделать легко, трудно будет избавиться от этого после.

– А кто тебе сказал, что я захочу избавляться от этого? Мне нравится быть собой! Я не хочу изменяться! – я остановилась напротив мамы, увидев в её глазах нестерпимую боль, и мне впервые от себя стало тошно.

– Наоми, мы все здесь не зря, у всех у нас в этом мире определённая миссия: ты и я живём согласно закону, а люди приходят в этот мир, чтобы исполнить отведённую им свыше роль, которую, конечно, не всегда исполняют, но в этом как раз и изюминка. Пойми, наши жизни однообразны и от этого слишком скучны. Вечное скитание когда-нибудь и у тебя вызовет тошноту, если его не разбавлять красками человеческой жизни: наблюдать, направлять, управлять, а где-то и нагло вмешаться, но не убивать просто из прихоти. В том, что ты сделала, просто нет смысла. Я надеюсь, ты когда-нибудь это поймёшь! – Мама с надеждой смотрела в мои нефритовые глаза, пытаясь найти хотя бы капельку понимания, но в них был лишь гнев и неуправляемая жестокость.

– Человеческая жизнь пуста. Ничего нет в ней такого уж и особенного, как ты тут поёшь. Они все для меня как одно большое пустое место. Однородная безликая масса! Как можно в ней кого-то узреть или выделить? – я абсолютно не понимала свою Мать, я не понимала, как она может восхищаться жизнью людской, не водружая на пьедестал свою собственную.

– Хватит, Наоми, довольно! Я не хочу больше слышать от тебя ничего такого, о чём мы только что с тобой говорили. Ты наказана – будешь сидеть в своей комнате, пока я не пожалею об этом! – Мама встала с кровати, судорожно расправляя свои огромные перепончатые крылья, и, подойдя к распахнутому настежь окну, добавила более мягким учительским голосом, от которого мне стало просто не по себе. – Я бы хотела, чтобы когда-нибудь и ты узнала всю радость и горечь человеческих жизней, испытав на себе эту тонкую грань. Тогда, возможно, ты поймёшь то, о чём я тебе говорила или, по крайней мере, останешься верна своим тёмным желанием, ну, а пока тебе придётся посидеть взаперти. Это для твоей и для моей пользы! – Мама вылетела из окна, не удосужившись даже выслушать мою ответную реплику.

Я подбежала к окну с желанием выкрикнуть моё мнение хотя бы ей вслед, но смогла лишь истерически захлопнуть распахнутую настежь фрамугу. Как же я ошибалась, считая маму слабохарактерной. Теперь её тёмная кровь стала и для меня слишком густа. Я ударила кулаком по стене, признавая в своей душе первый в отношении мамы проигрыш, и от нависшей надо мной безысходности вернулась обратно в кровать, зарывшись лицом в перьевые подушки.

Пролежав так весь день, не отвлекаясь даже на дневной приём пищи, я пыталась найти нужный мне выход. Не могу же я вечно плясать под мамину дудку.

Сиреневый буйный закат сочными красками наполнил всю мою комнату, обмакивая стены сначала в золотистые, красно-оранжевые, а затем на исходе дня и в фиолетовые оттенки палитры господина летнего вечера, напоминая мне своими быстро сменяющимися образами детскую игрушку под названием калейдоскоп. Как только все цвета были иссушены, комнату плавно обволокла сумрачная тьма, погружая меня и всю обстановку в ночную безмятежность.

Лёжа уткнувшись лицом в подушку, не особо замечаешь бег времени и смену цветовых играющих красок, поэтому абсолютно неизвестно было о том, сколько бы ещё я так смогла пролежать, если бы не специфический стук в окно моей спальни, который вырвал меня из кроватного плена.

– Дядя Эрик – это ты? – прошептала я уверенно, зная, что лишь ему это сделать по силам, так как дядя Майкл летать не умеет, а мама и папа это делать не будут.

Но ответом мне было лишь немое молчание. Я уж было хотела опять уткнуться в подушку, как стук повторился.

– Это уже не смешно! – произнесла я, устремившись к окну.

Моя единственная связь с этим миром была завешана тонкой полупрозрачной органзой, которую я легко передёрнула в одну из сторон лишь с одной только целью: как можно лучше рассмотреть лицо моего шутника. Я до последней секунды была уверена в том, что это был не кто иной, как мой дядя Эрик. Но, распахнув шторы, я никого не увидела.

– Что за дурацкие шуточки? Если кто-то тут ещё не заметил, то у меня сейчас не особо игривое настроение, так что, мои дорогие родственники, я прошу вас прекратить это делать. – Договорив, я хотела вернуться в кровать, как случайно заметила лёгкое движение под окном.

Подойдя к окну ближе, я нагнулась к стеклу, чтобы лучше рассмотреть источник движения. Неожиданно снизу показалась чья-то незнакомая мне голова. Я отпрыгнула от окна машинально, а фигура с той стороны от стекла продолжала подниматься всё выше, пока не показалась мне в полный рост.

Это был парень! Точнее то, что смотрело на меня сквозь стекло, визуальное напоминало мне парня, но в этом я была не слишком уверена. Короткая молодёжная стрижка, светлая футболка и джинсы, а также синяя рубашка, надетая поверх футболки, сложили в моей голове образ привычного для меня тинэйджера. И абсолютно ничего бы не насторожило меня, если бы не волосы, как сосульки, свисающие с головы, потёртая грязная и местами даже порванная одежда, слегка посиневшая кожа и мутные пожелтевшие злые глаза, которые моментально вызвали у меня отвращение и страх, что мне было вовсе не свойственно. Я смотрела на него, не отвлекаясь и не моргая, как вдруг он резко ударил по стеклу своей синей ладонью. Слегка вздрогнув, я по-прежнему не отрывала от него своих пристальных глаз. Неожиданно он прижался своим лбом к стеклу так сильно, что лицо его искривилось, но шок я испытала отнюдь не от этого. Внезапно его голова стала проникать сквозь стеклянное полотно, не нарушая его целостности. От испуга я попыталась бежать, но мои ноги стали как ватные. Кричать я тоже была не в силах. Без движения и без голоса я стояла перед окном по стойке смирно, наблюдая, как незнакомец без труда проникал в мою спальню. Наконец-то сделав это, он остановился напротив меня и вытянул свою руку, пытаясь дотронуться до моего испуганного лица, которое было так же, как и всё тело, парализовано. Погладив меня по щеке, он прошёл вглубь комнаты и уселся на мою расправленную кровать, и только после этого я смогла говорить и двигаться медленно.

– Кто ты такой? – мямлила я, испытывая ужасный страх, хотя визуальное я видела монстров и пострашнее, но что-то было в его образе такое зловещее, что и заставляло меня реагировать подобнейшим образом.

– Называй меня Лорд. Я пришёл, чтобы исполнить желание твоей Матери, хотя она сама и не просила меня сделать это, но в этом-то и заключается вся моя работа. – Он водил своими грязными ручонками по моим шёлковым кремовым простыням, чем вызывал во мне раздражение, перетекающее в невыносимую злость.

– Мама убьёт тебя, если узнает! – смело выпалила я незнакомцу в ответ, точно зная, что Лириан это вряд ли понравится.

– Вот именно: если узнает. Для тебя пройдёт куча времени, а для неё это будут секунды, а с условием того, что вы накануне поссорились, то она не скоро тебя и спохватится. – Парень облокотился на кровать, опершись своими испачканными где-то локтями. – Я помогу тебе лучше узнать себя, ну, или уничтожу бесследно. Слова, высказанные твоей Матерью, обладают невероятной силой, поэтому я так быстро и нашёл тебя.

– Какое желание, какие слова? – суетливо вторила я, а потом совершила огромную для своей персоны ошибку, прокричав призывы о помощи, – Мама, папа, дядюшки, помогите! – Но вместо голоса лишь тишина вальяжно разгулялась по комнате.

– Да ты, Наоми, у нас ещё и проблемная! – пронзительно крикнул Лорд, резко вставая с кровати. – Придётся быстрее перенестись в эпицентр кучных событий, но это даже и к лучшему! – Он улыбнулся, чем вверг меня в шок, обнажая свои подгнившие искривлённые зубы. – Быстрее начнём – быстрее закончим!

Он хлопнул в ладоши, и мы оказались посередине огромной тускло освещённой комнаты, в которой абсолютно не было окон, только двери, и их было тринадцать! Огромные дубовые тёмные двери отягощали большую по размерам комнату, уменьшая её в разы.

– Это тринадцать чужих человеческих судеб, сквозь которые ты пройдёшь, чтобы познать тонкую грань между радостью и горечью, как того хочет твоя Матушка, или пройдёшь, чтобы выжить и вернуться назад, как того хочу я, если ты, конечно, не вляпаешься

ни в какую историю. В противном случае, ты будешь вечно скитаться по просторам любимого мною Ада, и никто тебе не поможет, потому что это испытание придумано вечным Князем, и отменяться никогда и никем не может. – Я отчётливо понимала, что он бросает мне вызов, а вызовы я всегда принимала с гордо поднятой головой и здесь я не хотела делать никаких исключений.

– Хорошо, как скажешь! Огласи мне все твои правила и можем, в принципе, приступать! – сухо ответила я, явно недооценивая всю ситуацию. Каким же ребёнком на тот момент ещё я была, но тринадцать историй быстро состарят меня, превращая мою детскую душу в маленькую, ослабшую от горя, старушку.

– Правило лишь одно: проживаешь каждую историю, не прибегая к собственной силе и не нарушая естественный ход происходящих вокруг тебя событий! – Лорд наклонил голову направо и слегка пожал своими плечами, словно говоря, что это несложно и, в общем-то, у тебя нет особого выбора.

– И всё! Тогда незачем медлить, давай приступать! – выпалила я без остановки.

Чрезмерно уверенная в себе и в собственных силах я позабыла о том самом главном, что зачастую или, лучше сказать всегда, именно моя Мама помогала мне в исполнении всех моих порывов и желаний, спасая меня от возникающей пропасти. Она как волшебная палочка спасала меня от всех моих бед, укрывая под своим материнским крылом. Жаль, что понимание этого придёт ко мне слишком поздно, и я успею наломать дров, да не пару полешек, а целую небольшую поленницу, и то благодаря тому, что дверей будет всего-то тринадцать. Но пока что к первой своей двери я подошла, на удивление даже самого Лорда, слишком самоуверенно, чем вызвала его бурную реакцию и восторг, но тратить своё внимание на подобные проявления чувств в тот момент я ещё не хотела. Девчонка – что с меня взять!

Глава 2

Дверь первая – «Секунда»

*Я – тихой нежности комок,
Я – радость тем, кто так берёт,
Но часто я встречаю тех,
В ком пробуждаю злости смех.*

Наоми Томпсон-Саммерс

Огромные дубовые тёмно-вишнёвые двери выстроились в ряд слева направо. На первый, ещё неискушённый выбор, взгляд все они были одинаковы, но в каждой двери таилась своя уникальная изюминка, отличающая каждую от последующей. Лишь подойдя ближе к первой двери, я заметила, что огромное беззаконное пространство было округлым, а двери располагались на полуокружности, начинаясь и заканчиваясь точкой диаметра. В центре комнаты лежал небольшой по размерам бежевый коврик с чрезмерно пушистым ворсом, который был длиннее обычного. Интересно, зачем подобному помещению такая вот роскошь?

Первая дверь была больше, чем все остальные, а её латунная ручка в виде сердца, треснутого пополам, чуть-чуть меня озадачила, но не остановила. Я прислонилась к двери правой щекой, пытаясь услышать хоть какие-нибудь звуки с той стороны, но лишь тишина была мне попутчицей.

– Ты как-то замедлилась. Неужели в душу к крошке Наоми смогла залезть неуверенность? – Лорд точно знал о том, куда следует надавить, чтобы как можно быстрее получить от меня всё желаемое.

– Не дождёшься, – прошептала я и дёрнула за латунную ручку, распахивая дверь настежь.

Всё междверное пространство было заполнено чёрно-белой рябью, подобной той, какая бывает на телевизионном канале, если отсутствует передача сигнала. Я набрала побольше воздуха в лёгкие и шагнула в монохромную неизвестность. И тут началось такое, к чему я уж точно была не готова.

Сквозь огромный дверной проём прошла лишь душа, а тело бесформенной массой рухнуло в комнату. Лорд взмахом своей несвежего вида руки перенёс его на пушистый палас, а сам сел рядышком медитировать, в ожидании нескорого воссоединения души с моим полностью незащищённым телом.

Делать нечего: так, как вошла, я отсюда не выйду – значит, буду осматриваться в поисках нужного выхода. И я, отвернувшись от двери, пошагала вглубь незнакомого мне пространства с ничтожной надеждой на скорое возвращение.

Пространство вокруг меня было красным и обильно увлажнённым какой-то вязкой по консистенции жидкостью. Брезгливо не касаясь стен, я прошла в помещение треугольной формы, в котором было, не считая моего входа, ещё два других выхода, располагающиеся в каждом углу этой странной геометрической фигуры. Неожиданно из одного дверного проёма в комнату выкатилось жёлтое пятнышко, и ментально к нему навстречу, но уже с противоположной двери, выскочили множество взбалмошных и непоседливых белых

хвостиков, суетливо стремившихся к странному солнцу. Когда же один из них всё-таки достиг «желтопузика», окружение замерло, и яркая вспышка ослепила меня, затягивая в самый центр событий. И я, слившись с теми двумя воедино, положила начало непостижимому для моего разума чуду под названием «Новая жизнь». Я стала душой ребёнка, который только-только зародился в животе у своей мамы. Конечно, я тоже была ребёнком и развивалась аналогично, только сейчас я нахожусь в сознании и здравом уме, способная видеть и чувствовать всё наяву. У меня даже мыслей раньше не возникало в своей голове насчёт того, что может чувствовать ещё не рождённое кем-то дитя. А как оказалось, оно чувствует и чувствует слишком много.

Первоначальные ощущения вполне даже приемлемы. Мне тепло, комфортно и сытно. Хотя я пока и представляю собой головастика, но я полностью счастлива. Я защищена, укрыта и спрятана. Пока я тайный агент в здании этой организации под названием «Мама», но, несмотря на это, я всё-таки счастлива. У меня формируются нервная система и сердце, от стука которого я повиливаю своим хвостиком, потому что ничего другого у меня пока нет.

Довольно быстро у меня начинают формироваться ручки и ножки. О, видели бы вы мои крохотные пальчики! Меня просто переполняют чувства восторга и эйфории. Моя новая мама будет вне себя от радости, когда увидит меня. Какое же я всё-таки чудо!

Мысли о новой маме навеяли в моей голове чуждые мне прежде тяжёлые думы о родной своей Маме. Мой последний разговор с ней не был милой беседой матери с дочерью. Я всегда перечила ей, словно пытаюсь показать свой колючий характер или значимость монстра, сидящего где-то внутри. Но для чего и зачем? Мама и без меня знала всё о монстрах тем более таких нелепых, как я. Всю свою жизнь она боролась со мной, не давая своему монстру выбраться из поволивающей зоны. Какая же я всё-таки непутёвая дочь! Когда вернусь обратно, то непременно попрошу у Мамы прощения и постараюсь её больше не огорчать.

Невольно, полёживая в чужом животе, вспоминаю Мамины рассказы о том, как я появилась на свет. Теперь я с замиранием сердца прокручиваю каждое словечко, сказанное моей Мамой. Помню, как Мама говорила, что не поверила тому факту, что оказалась беременной. Но ужасающе растущий аппетит и не по дням увеличивающийся живот быстро констатировал всем её необычное положение. Дядя Эрик говорил, что им нелегко пришлось потакать капризам Мамы, находясь почти в обморочном состоянии, потому что я высасывала почти все соки из неё, практически ничего не оставляя для них. Но все они были просто без ума от радости, когда я в ночь на двадцать девятое февраля наконец-то появилась на свет. Потное мамино землисто-зелёное тело контрастировало с блестящими от радости шоколадного цвета глазами, когда над нашей усадьбой раздался мой бешеный детский вопль.

Надеюсь, моя новая мама будет такой же счастливой, когда услышит меня. О нет, я уверена в этом!

Прошло несколько месяцев. У меня начали формироваться внутренние органы и странная штука, похожая на пузырь, при помощи которой я подключилась напрямую к маминому телу. Теперь моя мама будет ещё ближе ко мне, ну, или я к ней, что в принципе одно и то же. Но, когда весь процесс был практически завершён, я неожиданно начинаю испытывать вовсе не те ощущения, какие себе намечтала. Станный привкус в крови моментально вызвал во мне отвращение. Мне потребовалось совсем немного времени на то, чтобы понять из-за чего весь сыр-бор. Это никотин и алкоголь, и даже не какое-нибудь элитное, в сущности, такое же вредное, а обычное дешёвое пойло. Вот тебе и безграничное

счастье!

Который месяц уже подряд в крови моей мамы преобладают подобные вещества и ароматы. Я, на удивление, ещё развиваюсь, хотя немного и отстаю по развитию, но в принципе ещё довольно здорова, только теперь я не представляю себе уже жизни без этих зловонных примесей.

Недавно моя однообразная жизнь в животе у этой мамы, если её вообще можно так ещё называть, приобрела совсем новый оттенок. День начался, как и прежде, с внушительной дозы алкоголя и сигарет, только к вечеру появились ужасные шумные звуки, которые с недавних пор я начала распознавать более или менее отчётливо. Впервые, услышав голос моей мамы, я не на шутку испугалась. Шумящие и хрипящие согласные и постоянный кашель кого угодно, наверно, выбьют из колеи. Но потом я привыкла и даже полюбила этот специфический голосок, ведь источником этого звука был не кто иной, как моя мама, которую я продолжаю любить, несмотря ни на что!

Сегодня её хриплый голосок был слишком напряжён и прерывист. Она нервничала, а её нестабильное состояние моментально передавалось и мне. Мама была не одна, она с кем-то оживлённо беседовала. Я пожалала плечами, удивляясь тому, что она до сих пор ещё не говорила со мной, а я бы хотела знать, что она ко мне чувствует.

Довольно милая на первый взгляд беседа вскоре сменилась буйными выкриками. Кричали все: и женщины, и мужчины!

– Это твой ребёнок! Пускай я пью не меньше твоего, но при этом всегда помню о том, с кем и когда я переспала. Я на все сто процентов уверена в том, что это именно твой ребёнок! – из сумбура пьяных кричащих голосов я еле-еле разобрала мамин голос.

Я почему-то обрадовалась, осознавая, что мама в данный момент обращалась к отцу, который находится рядом. Может быть, теперь моя мама будет лучше питаться и меньше пить. Надеюсь, папа её образумит, и у нас будет настоящая, крепкая и любящая семья.

– Знаешь, если это и правда мой выродок, то я сейчас быстро исправлю своё положение, – произнёс папа, и я на мгновение подумала, что сейчас он разгонит толпу и уложить маму немедленно спать, но отчётливый удар по животу, остановил ход моих мыслей.

Я не успела увернуться, но пузырь, в котором я обитала, уменьшил силу удара. Во второй раз я была начеку и перемещалась по пузырю, как опытный боксёр на ринге. Я уже перестала считать многочисленные удары отца и просто молилась о том, чтобы он когда-нибудь прекратил это издевательство надо мной и моей мамочкой. Когда я в очередной раз уклонялась, я заметила, что мой пузырь начал отслаиваться от мамы и потекла кровь. Я почувствовала, что мама упала, сжимая живот. Она кричала, а я своими ручонками изнутри пыталась приклеить пузырь обратно на место. Какой же ужас я испытала! Ведь я ещё маленькая, мне рано рождаться. Хорошо, что служба спасения приехала, на удивление, быстро, и врачам удалось остановить отделение пузыря.

Несмотря на весь этот хаос, произошедший со мной, я была рада тому, что мама уже две недели как трезвая. Мы нормально питаемся и хорошо спим. Ещё чуть-чуть и я появлюсь на этот свет, чтобы сделать жизнь моей мамы более радостной и наполненной, наполненной счастьем, а самое главное, смыслом, и всё у нас с ней будет хорошо – я в этом уверена!

Я немного огорчилась, когда нас выписали. Думая всерьёз, что мы пролежим в больнице до родов, я была слишком обескуражена, когда вернулась с мамой домой. Ещё больше я была удивлена тому, что моя мама совсем не пила никого спиртного. Наверное, она образумилась и теперь всерьёз готовится к моему появлению. Ох, мамочка, я так за нас рада!

Наконец-то пришёл назначенный радостный час, и мой пузырь, в котором я жила так долго, лопнул, выпуская окружающую меня липкую слегка зеленоватую жидкость. Я почувствовала, как мама, схватившись за свой живот, куда-то побежала. Наверно, торопится в родильное отделение, чтобы увидеть свою милую доченьку. Мамочка, я тоже вся трепещу в ожидании нашей встречи с тобой, предвкушая момент, когда первый раз в своей жизни я испробую на себе твои прикосновения и объятия.

– Тише, мама, не спеши. Я подожду! – подумала я, сама стора от нетерпения увидеть её лицо и загадочный мир.

Мама остановилась. Наверное, она уже находится в палате роддома, только голосов никаких я больше не слышу. Может, это из-за прохудившегося моего пузыря. Ну да ладно, я иду к тебе мама. Ещё немного и мы будем с тобою вместе.

Я со своей неуёмной силой жизни начала выбираться наружу. Я слышала, как от боли кричит моя мама.

– Потерпи, моя мамочка! Я уже скоро. Скоро боли не будет, будет лишь безграничное счастье! – шептала я себе и ей в надежде, что она меня всё-таки слышит.

Наконец-то я увидела свет, яркий солнечный свет и голубое безоблачное небо. Но почему? Наверно, мама не смогла добежать до больницы, и ей пришлось рожать где-то в дороге. Хорошо, что я постаралась и выбралась из животика так быстро, насколько это было возможным.

Вскоре я упала своей мокрой чересчур ещё нежной спинкой на сухую, пыльную и измятую маминым телом траву. Она была мягкая, но холодная. Я закричала в ожидании того, что так мама скорее возьмёт меня в свои руки и прижмёт к сердцу, заключая в крепкие надёжные материнские объятия, подарив при этом первый поцелуй в лобик.

Неожиданно появившееся передо мной лицо матери вызвало во мне бурю эмоций: от первоначального страха до дикой радости. Мама же смотрела на меня без эмоций: ни улыбки, ни слёз – абсолютно ничего выражало и не нагружало её слишком запитое, но такое родное мне лицо. Я замолчала, не зная, как передать ей свою детскую уверенность в завтрашнем дне, но мама опередила меня, произнося короткое, но такое ёмкое слово «прости», и, занеся руку над головой, ударила меня по голове, лежащим неподалёку небольшим неотёсанным камнем. Кровь брызнула из детского неокрепшего черепа, попадая ей на безобразное от пьянки лицо, которое было прекрасно по сравнению с её почерневшей мёртвой душой.

– Мама, мама, мамочка, что же ты наделала? Я ведь так любила тебя, ни секунды не сомневаясь в том, что мы бы смогли найти любой выход из ситуации, какой бы сложной она ни была, но ты предала меня, ты бросила моё бездыханное тело умирать под кустом. Как же ты смогла, как ты посмела сотворить со мной такое? – произнесла я, вот-вот покидая своё новое тело.

Я почему-то так любила эту горе-мать, но не любила свою идеальную Маму, которая всегда спасала и оберегала меня. Она ночами сидела у моей детской кровати, отгоняя мои самые страшные кошмары, свойственные каждому этапу моей нарастающей силы. Теперь я уверена в том, что она без всяких на то сомнений была мне Мамой, моей настоящей Матерью, которую, к сожалению, я не ценила. И я на последнем издыхании, видя, как псевдо-мама идёт по просёлочной дороге, удаляясь от моего уже мёртвого тельца, заставляю её сердце остановиться, и она падает замертво, а я с улыбкой в душе покидаю этот чёртов мир первой уготованной мне двери.

Я очнулась посередине округлой комнаты на пушистом маленьком коврикe. Вся скрюченная от боли и внутренних терзаний, которые я недавно прожила, пропуская через собственную душу. Мне было так больно, как я даже вообразить не могла бы в своём самом страшном кошмаре. Боль физическая после телепортации сквозь странную дверь и жестокого обращения моей матери была ничем по сравнению с душевной болью, полученной от удара по голове от женщины, которую я любила больше всего на свете, даже больше, чем свою настоящую Маму. После осознания этого факта боль становилась ещё сильнее, словно выковыривая из меня гниль, которой, оказывается, я была набита сполна. Мягкий пушистый кремовый коврик был буквально залит кровью, которая сочилась буквально отовсюду: из разбитого камнем виска, изо рта, из глаз и из кончиков пальцев. Неожиданно я почувствовала хлопок по спине и чьё-то странное на ощупь поглаживание. Я вздрогнула и резко открыла свои опухшие от кровавых потоков глаза.

– Я смотрю, тяжело тебе дался опыт первой загадочной двери, – прошептал Лорд, слегка облизывая свою верхнюю губу и нежно поглаживая меня по спине.

– Знаешь, бывало и лучше! – дёрнула лопаткой я, сбрасывая его холодную липкую руку, а потом добавила, – просто, наверное, не мой день!

– Вот как! – произнёс Лорд, облизывая свою одёрнутую руку в местах, где его пальцы были испачканы моей пылающей кровью. – Какой аромат, невозможно даже оторваться!

От отвращения я резво встаю, но еле-еле держусь на ногах. Слабость и озноб парализуют моё окровавленное тело, дышать тяжело, а передвигаться тем более, но я, собрав все свои силы в кулак, двигаюсь, кое-как перебирая ногами к двери номер два.

– Давай продолжим! Хочу поскорее вернуться домой, – сказала я, не поднимая своих стыдливых нефритовых глаз. – Впервые за всю свою жизнь я хочу извиниться и обнять свою Мамочку!

– Это похвально! Мне нравится то, что уже из такого ничтожного опыта ты начала извлекать самое главное, хотя и нарушила многое, но об этом поговорим позже, когда кончатся все твои испытания.

– Тогда не будем медлить, а начнём новую битву! – с внутренней постоянно растущей гордостью за себя выпалила в ответ ему я.

– Непременно начнём, моя дорогая, только нанесём на тебя следы твоего первого путешествия, – произнёс Лорд слова, которые никак не отразились в моём сознании, пока не стали выпячиваться наружу, констатируя своё появление.

Не успев даже дойти до второй дубовой двери, я падаю на колени, испытывая острую боль. В том самом месте на моей голове, куда псевдо-мать нанесла удар камнем младенцу, вырос огромный десятисантиметровый костный шип с отвратительными наростами у основания. Кисти рук и ступни обеих ног покрылись чешуёй болотного цвета, которая отвратительно пахла и нескончаемо мокла так, что слизь от неё каплями падала на шифованный глянцевый пол. Я попыталась содрать несколько чешуек с руки, но на их месте моментально образовывались несуразной формы костные небольшие наросты, чем делали ещё более неприглядным мой теперешний облик.

– Что за чёрт? Что ты со мной сотворил, – закричала я, очухавшись от нестерпимой по уровню боли.

– Всё то, что ты сама с собой сделала, Наоми. – Лорд покачал головой. – Это лишь плата за содеянное и не более. Никакой самодеятельности и энтузиазма с моей стороны!

– Мой внешний вид теперь выглядит более чем ужасно! – не сбавляя крик, выпаливала я

фразу за фразой, – исправь это, я не такая!

– Разве? – Лорд прислонился спиной ко второй двери. – А по-моему, это именно ты! Зло решило вылезти наружу! Ты очищаешь душу, выпуская, прямо скажем, освобождая своё зло, которое занимает любое подвластное ему место, в данном случае, оно отыгрывается на твоём внешнем облике. И это ужасно, но поспорить или изменить всё равно ничего не могу, так что прими это просто как данность!

– Данность? – от ужаса я закрыла свой рот руками, боясь ещё что-то ему высказать. Хотя в душе я с ним соглашалась. Зло, спящее у меня внутри, было огромно. Теперь я знаю, с чем так усердно боролась моя Мать. Теперь-то я ей не завидую, хотя поначалу я мечтала о подобной уготованной мне судьбе. Прости, Мама, я была совсем не права. Но гордость и несломленный внутренний дух не дают мне возможности выказать Лорду всю бурю, разыгравшуюся на просторах моей потемневшей души, поэтому я, лишь сглотнув от напряжения, произношу все слова слишком отрывисто, в общем, делаю так, как только могу. – Надеюсь, после окончания моего псевдо-турне всё это исчезнет, – я дотронулась до ужасного шипа на виске и нервно сглотнула. – Может, отойдешь от двери, чтобы я продолжила вновь испытывать уготованные мне кем-то мучения!

Глава 3

Дверь вторая – «Точный удар»

*Судьбой я шансом награждён,
Дарами жизни так пленён,
Но миг меняется мой бриз,
Как ветром насланный каприз.*

Наоми Томпсон-Саммерс

На вид дверь под номером два такая же огромная и выполнена аналогично первой из тёмного дерева. Единственное, что их и отличало, так это латунная ручка, которая во втором случае была представлена боксёрскими перчатками, свисающими с одинокого крючка одежной вешалки. Я кое-как, преодолевая сильнейшую боль по всему телу, подошла к этой деревянной грани, отделяющей меня от грядущих и без сомнения мучительных испытаний, но, закрыв глаза и наслаждаясь глубоким очистительным вдохом, всё-таки дотронулась до холодного блестящего позолотой металла.

– Ну, будь, что будет! – произнесла я и повернула ручку.

Дверь распахнулась, а я без капли малейшего сопротивления погрузилась в мутные воды второго затяжного плавания. На этот раз пространство было не таким агрессивным, как в первом случае, и напоминало скорее мягкую грязную вату, поэтому я достаточно быстро прошла сквозь неё, очутившись в новом непредсказуемом мире.

Внезапно открываю глаза, которые, если честно, с трудом поддаются на мои мышечные позывы, и сразу натываюсь на купольный потолок и десятки светильников, затем опускаю свой взгляд чуть ниже, и моему взору открываются цветные канаты ограждения ринга, определяя моё нынешнее местоположение. Мужчина в полосатой рубашке лежит рядом и бьёт ладонью о пол ринга, что-то отсчитывая.

– Один, два, – произносит он звонким командным тоном.

Я резко вскакиваю на ноги и, не успев даже себя осмотреть, свожу автоматически вместе свои одетые в красные кожаные перчатки мускулистые руки.

– Со мной всё в порядке, в порядке! – кричу я.

– Бокс, – коротко, но слишком ёмко произносит судья.

Мы сходимся на ближней дистанции, голова слегка кружится, но по-прежнему ясная. С каждой секундой силы в руках становится всё больше и больше. Мой противник в хорошей физической форме, судя по удару, которым он недавно меня наградил. Хотя, в общем-то, по его разбитой физиономии об этом не скажешь. Наверное, парень пропустил ударчик, когда моя душа вселилась в его спортивное тело. Подпускаю его ещё ближе к себе, пусть думает, что мои силы на грани, и с лёгкостью наношу хук с ближней руки. Кулак моментально достигает уголка челюсти противника, и он без каких-либо шансов падает в нокаут, лишаясь первичных признаков жизни. Судья моментально останавливает бой, а я торжествующе поднимаю руки вверх, празднуя свою первую победу. А парень, в которого я неожиданно для себя переместилась, кажется, очень и очень неплох в боксе, судя по силе искусно выполненного нокаутирующего левого хука. Толпа болельщиков воет от радости, а я,

заряженная их энергией, ликую изнутри, и мне определённо нравятся эти совершенно новые для меня ощущения.

После боя разглядываю свой новенький пояс и слегка подбитый противником фейс. А я, оказывается, вполне ничего. Судя по внешнему виду, мне не больше двадцати пяти лет и я симпатичный блондин, если так можно выразиться, глядя на мой слегка искривлённый нос и опухшую скулу.

Я не слишком-то быстро покидаю комнату, погружаясь в кишащее болото фанатов. Они меня не особо радуют, когда вторгаются в моё личное пространство, обнимая и поздравляя меня. Но один крик, отчётливо звучащий для меня из толпы, мне особенно приятен.

– Стив! Ты, как всегда, просто великолепен! Нисколько не сомневалась в твоей очередной и, надеюсь, не последней победе! – произносит девушка перед стремительным поцелуем.

– Сегодня, малыш, я и тебя нокаутирую в своей тёплой постели, – выпаливаю я, впиваясь рукой в её слишком холёную попку.

– Только не делай это так же быстро, как в своём чемпионском бою, – со смехом произнесла девушка и, слегка отстранившись, взяла меня за руку.

Прежде, чем покинуть здание победной для меня арены, мы толпимся в рядах спонсоров и организаторов и наконец, спустя какую-то пару часов, вместе с подружкой выходим на прохладный ночной проспект, ослепляемые лучами неоновой уличной рекламы.

– Воздух, наконец-то свежий прохладный воздух и тишина! – с наслаждением произношу я. – Ты не будешь против того, что мы пройдемся до дому пешком, а водитель пригонит машину?

– Как пожелаешь, сегодня я не смею тебе перечить ни в чём, – сладко щебечет моя пассия, нежно целуя меня в правую щёку.

– Сегодня ты будешь покладистая, моя маленькая тигрица? – приобняв свою девушку за талию, отвечаю ей моментально.

– Да, – смеётся она, – сегодня ты это, как никогда, заслужил!

Прогуливаясь вдоль ночной набережной, которая сейчас была слишком погружена в темноту и овеяна мягким прибрежным успокаивающим воздухом, волей-неволей задумываешься о том, что всего каких-то пару часов назад эта улица была такой многолюдной, что невозможно было даже протолкнуться. Торговцы, туристы, уличные музыканты и актёры кишели среди многообразных по форме и содержанию ларьков и киосков, мило соседствующих со сдержанного вида небоскрёбами, в которых господствует холодный металл и стекло. Простота и сдержанность, участливость и отрешённость – всё переплелось в воздухе каменной мостовой лучшей на всём северо-западе набережной.

Неожиданно вспыхнувшее в голове и душе чувство заставляет меня пойти на вовсе несвойственный моей натуре поступок, с утра о котором я даже и думать не мог. Хотя это и не удивительно, ведь с утра все мои мысли были заняты боксом, настраивая меня на победу.

– Милая Энджи! – произношу я, запрыгнув на бетонные перила мостовой, слегка касаясь округлых светильников, установленных на расстоянии десяти метров друг от друга и озаряющих набережную нежно голубым светом. – Мы вместе с тобой уже почти год, я с тобой счастлив и умиротворён, ты понимаешь меня, как никто другой, поэтому, принимая на себя всю ответственность и взвесив все за и против, с лёгкостью на сердце и радостной негой в душе прошу тебя стать моей женой. Обещать простоты в отношениях я в принципе не могу, но любить тебя я клянусь вечно!

– О, Стив! – по щеке Энджи прокатилась огромная одинокая слезинка, а улыбка слегка коснулась её припухшего от ботокса рта, который чуть-чуть приоткрывшись, выпустил короткое «да».

Я спрыгиваю к ней, закрепляя наши слова уверенным, но чувственным поцелуем. На душе становится ещё легче и спокойнее, словно будущее стало для меня понятно и читаемо, и ничто уже не сможет меня сбить с ног, свалив на грязную неплодородную почву.

Остаток пути мы проходим в обнимку, но в полном молчании, словно все вопросы заданы, а ответы на них в одночасье получены. Тишина и тёплый ветерок, дующий с моря, обволакивал наши тела, погружая в очищающую безмятежность. Нежные и застенчивые блики луны играли в салки с золотистыми волосами Энджи, мягко подсвечивая их. И даже наши дыхания были синхронизированы друг с другом и ветерком, дышащим прохладой и мнимой свободой.

Подойдя к одному из царапающих небо домов, в котором я стал жить после первой своей значимой победы, мы увидели небольшое скопление прессы. Никаких заявлений я делать сейчас не собирался просто потому, что не хотел разрушать созданную мною же слишком красивую, подобную сказке, хрустальную идиллию.

– Энджи, давай зайдём в дом с тыльной стороны через гараж и поднимемся спокойно на лифте? – как бы спрашивая, произнёс я, до конца не пребывая в полной уверенности, что она поддержит эту идею.

– Ты прав! – спокойно и уверенно произнесла Энджи, – сегодня я не хочу делиться своим счастьем ни с кем!

Мы огибаем стеклянно-металлический небоскрёб и проникаем внутрь, одиноко спускаясь в гараж. Многочисленные камеры и несколько охранников у самого входа подчёркивают статусность здания и феномен персон, проживающих здесь. Я киваю головой, здороваясь с ними в немом, но учтивом и уважительном жесте, слегка подмигивая левым не слишком опухшим глазом. В гараже тишина, мой серебристый «Макларен» стоит уже на своём месте, соседствуя ещё с парочкой агрессивных недетских игрушек. Я останавливаюсь ненадолго, оглядывая свой автомобильный отсек, думая, что придётся ещё немного увеличить его ради машинки своей девочки и какого-нибудь комфортабельного семейного авто. Погружённый в мужские мечтания я теряю из вида Энджи, которая и выдёргивает меня, словно забитый гвоздь из доски, из этого странного, но приятного состояния своим скрипящим вовсе не характерным для Энджи голосом.

Я поворачиваюсь в сторону лифта и вижу, как мой лучший водитель, охранник и друг в едином обличье сжимает худенькое тело Энджи, плотно приставив к её горлу огромный охотничий нож.

Испуг – это всё, что поначалу почувствовал я. Тело стало как ватное, а ноги слегка подкосились. Курьёзность и нелепость всей ситуации просто не давала мне покоя, заставляя все извилины мозга судорожно шевелиться. Я не мог никак себе объяснить и отыскать весомую причину происходящего. Майкл работал со мной уже, как мне показалось, сто лет, я исправно и много ему платил, закрывая глаза на многие мелочи и невинные шалости. Ему не за что на меня злиться и жаловаться.

– Прости друг! Ты тут совсем ни при чём! – голос Майкла скрипит, выдавая свою невменяемость.

– Как раз и при чём! Энджи – моя невеста и будущая жена. Отпусти её, и я тебе помогу, – произношу я как можно мягче, чтобы внушить ему больше доверия.

– Ох, глупец, я спасаю тебя! Эта девка испортила всю мою жизнь! – кричал он как бешеный.

– Мы же были детьми! – смогла как-то выкрикнуть Энджи, поплатившись при этом целостностью своей нежной кожи на шее. Алая струйка проложила себе путь по удлинённой наклонной шее, обрамляя кремового цвета кардиган.

– Дети! Разве может ребёнок, унижить и растоптать человека, учась в пятом классе? Ты, Энджи, не ребёнок, ты – монстр! И я не позволю тебе счастливо жить, испортив при этом ещё одну душу!

Майкл ещё сильнее прижимает к горлу Энджи нож, увеличивая поток крови, который буквально заливает кардиган, скапывая неистовой струйкой на холодный бетонный пол гаража. Не в силах больше терпеть это, я делаю выпад вперёд, нанося одной рукой слабый удар по лицу Майкла, а другой – выхватываю из его опущенных рук огромный уже окровавленный тесак. Энджи сгибается, хватаясь руками за горло. Я пытаюсь её приподнять, но падаю назад, получив увесистый удар рукояткой пистолета в висок. Майкл хватается за горло, пытаясь задушить, хотя мог просто застрелить нас обоих. В это время я вскакиваю, собравшись с последними силами, и наношу ему отличный удар по корпусу, отшвыривая Энджи в ту же секунду в сторону лифта так сильно, что она ударяется головой о стену и падает. Теперь она находится именно в том месте, которое хорошо просматривается сразу несколькими камерами, а сам продолжаю находиться в невидимой зоне со своим мнимым другом и обидчиком. Я выбрасываю демонстративно нож и наношу одним за другим удары по его уже неузнаваемому от побоев лицу без малейшей возможности и желания остановиться. Я так зол на него, что просто не имею на это право, хотя в спорте меня учили совсем иным постулатам. Неожиданно меня с ног сбивает один из охранников, заваливая на землю, а два других, наваливаясь на меня, сковывают кое-как наручники за моей могучей спиной. Я кричу как дикий зверь, позабыв обо всём, что меня окружает, но постепенно всё-таки возвращаюсь обратно к существующей жизни.

– Помогите Энджи, он её порезал! – кричу я им, но они даже не обращают на меня никакого внимания.

Спустя какое-то время, я вижу огоньки камер сотрудников прессы, пытающихся прорваться сюда, но охрана действует слажено и моментально опускает гаражные входные ворота, отгораживаясь от всего насущного мира. Через каких-то пару минут они подходят к лежащей на полу Энджи, пытаясь привести её в чувство.

– Мисс Смит, как вы? – пытается растормошить её охранник, но она только стонет, хотя и пытается встать. – Служба спасения уже в пути к нам, потерпите, пожалуйста.

– Энджи! – не вытерпев, я выкрикиваю её имя, но она, к моему удивлению, поворачивается ко мне испуганным каменным лицом полным непонимания и просто молчит.

– Кто вы и что вы сделали? За что вы напали на нас с Майклом? – каскад обвинительных вопросов зазвучал из её невинного ротика, который недавно ещё сказал мне короткое «да».

– Энджи, что ты несёшь? – кричал я, но вопросы всё сыпались и сыпались из её уст, раня меня в самое сердце.

Я, не выдержав такого расклада, просто обмяк, впадая в обморочную безмятежность, но продолжаю следить за всем происходящим, словно выглядывая из-за прозрачной с моей стороны ширмы. Наблюдая за тем, как служба спасения увезла с собой Энджи, а охранники

погрузили меня в тесный полицейский микроавтобус, отправляя ночевать в холодный сырой изолятор, мне было уже глубоко плевать на всё то, что со мной сейчас делают эти люди. Я просто ещё не мог осознать и принять, что всё это происходит именно со мной, а не с кем-то другим.

Месяцы пребывания в камере и тяжёлое запутанное расследование окончились страшным судом. Мой хрупкий мир рухнул! Всё, что я годами наживал и выстраивал, плавно исчезало, просачиваясь сквозь пальцы. Я терял всё: себя, карьеру профессионального боксёра, Энджи, будущую семью и, в общем-то, жизнь. Оказывается, жизнь взрослого мужчины может разрушиться всего лишь от маленькой детской и даже не твоей шалости.

Суд состоялся тридцать первого октября в половине второго. День был ужасный. Нескончаемый ливень и град размером с куриное яйцо освежил наш прибрежный городок своей сумбурной внезапностью. Энджи на судебном заседании не присутствовала. Она, оказывается, после моего спасительного бросания её к лифту сильно ударила головой, и всё, что она теперь помнит, сводится к первым семнадцати годам её жизни, поэтому показания никакие она дать не смогла. Но я за это её не виню, я счастлив, что Энджи хотя бы жива и почти что здорова.

Поначалу я отрицал всё, полагаясь на записи камер, но они запечатлели совсем не то, что мне было нужно. Одна камера зафиксировала то, как мы с Энджи входили в гараж, другая – мою остановку напротив отсека с авто, третья – то, как я с ножом в руке толкаю Энджи в сторону лифта. Перечислять дальше нет смысла, потому что все записи демонстрируют меня не с лучшей стороны, хотя и оголяют неправду, но кому до этого дело. Может, Энджи когда-нибудь вспомнит всё это и освободит меня из тюрьмы государства и собственного затворничества. Я мечтаю об этом и смею надеяться, что это произойдёт быстрее, чем я сломаюсь от горя.

Кстати, на ноже найдут лишь мои отпечатки, Майкл умело работал в перчатках. Талантливый парень! Всё подстроил и срежиссировал так, что и комар носу не подточит, что говорить о простых смертных людях. А его речь на суде была просто божественна. Некий добрый отзывчивый мальчик, спасающий свою бывшую одноклассницу от боксёра-ревнивца, заподозрившего её в измене. Якобы между ними вспыхнули прежние школьные чувства, но Энджи, захотев сделать всё как можно честнее, рассказала мне обо всём и захотела уйти, а я, взбесившись, что какой-то водитель обыграл меня на этом поприще, ударил Энджи ножом. Хорошо, что Майкл подждал свою любовь неподалёку и смог прийти ей на помощь, потому что, если бы не он, неизвестно чем бы всё это закончилось. Он плакал перед присяжными, говоря, что безумно расстроен, что Энджи не помнит об их заново вспыхнувшем романе, а только презирает его за школьную драму, произошедшую с ними ещё в пятом классе, хотя и благодарна ему за спасение. Под конец заседания я уже просто молчал, зная, что все мои выкрики и слова просто бессмысленны – я не в силах ничего изменить!

Суд вынес мне за попытку убийства Энджи Смит и причинение средней степени тяжести вреда здоровью личному водителю Майклу Джонсу, считая при этом мою профессиональную карьеру боксёра отягчающим обстоятельством, весьма суровый приговор, который вылился, не глядя, в семнадцать лет тюрьмы строго режима. На вопрос судьбы о том, считаю ли я себя виновным во всём случившемся и признаю ли я свою вину в этом, я ответил лишь гордым молчанием, потому что слова не имеют уже никакого значения.

Меня перевезли в стены нового казённого дома сразу же после приговора суда. Огромная тюрьма, базирующаяся на острове посередине бушующих волн, меня принимала

не слишком радушно, но, а чего я, в принципе, мог ожидать – это же не отдых в Бали, к которому я так привык. Моя одиночная камера, но с двухъярусной почему-то кроватью должна была стать моей комнатой на семнадцать долгих лет, если, конечно, Энджи не вспомнит обо мне раньше. Я жил надеждой и верой, что это когда-нибудь произойдёт, пока в одно злополучное утро я не получил отпечатанную на компьютере записку без адреса и отправителя, которая и разрушила миф моей и без того слабой надежды:

«Милое солнышко, не старайся сильнее светить! Твоя гусеница уже не сможет превратиться в красивую бабочку и спасти тебя, чему я, если честно, несказанно рад. Если ты захочешь спустя семнадцать долгих мучительных лет всё же увидеть свою бабочку, тебе придётся покинуть этот мир, потому что твоя бабочка сгорела в лучах моего, никого не щадящего, солнца!»

Я впервые плакал. Мне было больно за себя, за Энджи и за нашу мечту, которая не сможет исполниться теперь ни у одного из нас. И недолго думая, я начал рвать простынь на полоски, скручивая их в трубочки и связывая узлами. Грубая ткань впивалась в мои руки, оставляя глубокие, местами рваные, порезы, но мне было всё равно, я больше так не смогу, я не стану терпеть. Перекинув один конец верёвки через перила кровати второго яруса, я привязал другой её конец к своей шее. Потом, сидя на своей кровати внизу я связал себе ноги в согнутом положении, не давая им ни малейшего шанса выпрямиться и коснуться бетонного пола. Затем я натянул верёвку между шеей и спинкой кровати второго яруса и просто сполз с матраса собственной лежанки, падая на пол. И вися на расстоянии каких-то пяти сантиметров от пола, я задохнулся, отправляясь в другой, более счастливый для меня, мир.

Когда так мучительно и болезненно умер Стив, душа Наоми стала свободна. Облегчение от того, что не придётся терпеть семнадцать лет долгих страданий, заставило Наоми феерически метнуться из этого мира навстречу своим новым препятствиям, но вскоре обрётённая свобода и небывалое счастье омрачились внезапно вспыхнувшей болью, буквально изрешетившей мою успокоившуюся хоть и на время ипостась. Просто и разом зазеркалье второй двери рухнуло, возвращая избитую душу Наоми в её не менее страдающее от всего этого тело. Испытание под номером два так же успешно было провалено, оказывается, далеко не всё находится в силах Наоми. Пора бы ей уже это понять!

Глава 4

Дверь третья – «Закон подлости»

*Когда пустынный путник пал,
Он облака дождя искал,
И как ни корчился родник,
Но путник тучи ждал визит.*

Наоми Томпсон-Саммерс

Открыв глаза и выпустив холодный сожалеющий вдох, я коснулась руками уже слегка примятого заляпанного моей кровью коврика. Голова кружилась, а всё тело болело так, словно меня пытали и издевались надо мной в течение нескольких дней. Хотя каюсь, вряд ли я могла своё нынешнее состояние сравнить с чем-то из моего прошлого, которое ещё недавно так ненавидела. Но в отличие от сегодняшнего со мной обращения в прошлом меня холили и лелеяли, заботясь обо мне, как только могли. Ох, моя милая Мамочка, я так хочу вернуться домой! Я так хочу к тебе, к папе и дядям. Никогда больше не усомнюсь в твоей ко мне любви, никогда. Если я, конечно, вернусь вообще!

Мои руки по локоть и ноги по самое колено теперь были покрыты чешуёй болотного цвета. В местах, где грубая тюремная ткань разрезала мои ладони, когда я рвала простыню на верёвки, торчали щипы. И чем глубже и разодраннее был порез, тем больше и безобразнее был костный нарост, торчащий из тела. Теперь буквально все руки были покрыты костными образованиями разной величины и формы. Но самое страшное зрелище заключалось не в этом! Мои ноги, которые я связала верёвкой, чтобы они не смогли выпрямиться при сползании Стива с кровати, теперь выглядели более чем странно, напоминая фигуру тонкого полумесяца, обращённого чашей наружу. Но это меньшее из зол, которые меня ожидали. Моя шея была красочно обрамлена грязно-чёрным ободком разлезшейся, не первой свежести, плоти. Гной и кровавые потёки то и дело сочились из глубокой испорченной временем раны, омывая наросты, спокойно соседствующие с кусками обвисшей и иногда шевелящейся плоти. Тело под чешуёй чесалось и изнывало, но я пока изо всех сил сдерживала порывы содрать чешуйки с моего по-девичьи прекрасного тела, зная, что наросты моментально займут место болотистой наледи.

– Я гляжу, ты вернулась, – доносится где-то со стороны моей полусогнутой бременем спины заносчивый и уверенный голос Лорда, – не прошло и два года, как мы снова вместе.

Его внешний вид меня просто обескуражил: это был уже не тот Лорд, которого я оставила перед путешествием по просторам содержимого второй деревянной двери. Его светлая футболка, джинсы и рубаха, не застёгнутая и надетая просто поверх, были чистыми и целыми, словно никаких дырок и не было вовсе. Его волосы теперь были игривого каштанового цвета, который прежде мне не удавалось разглядеть из-за грязных сосулистых образований. А самым главным, что изменилось в его образе, были глаза: налёт злости и отчаяния исчез, обнажая сочный коньячного цвета оттенок.

– А я гляжу, ты время пока не терял и здорово сумел прихорошиться к моему появлению, – с такой злостью и обидой прошипела ему я в ответ.

– О, дорогая, это всё ты! – сложив свои руки в замок на груди, произнёс Лорд с лёгкой ухмылкой на своём бледном лице, – это ты меня так балуешь, сам бы я так преобразиться не смог!

– На здоровье! Пользуйся, пока можешь! – я шипела и злилась на него, как пустынный гремучник, потому что причинить боль я всё равно ему не могла.

Я с трудом подползла к двери под номером три, едва совладав со своими изогнутыми странной формы ногами, и, дотянувшись рукой до новой латунной ручки, которая теперь воплощала собой пару детских пинеток, заключённых в холодный плен золотого металла, просто распахнула деревянную дверь, не желая больше ни говорить, а тем более видеть похорошевшего Лорда.

Густой туман обвил моё тело, и я, не сопротивляясь, погрузилась в реалии третьей двери с одним только желанием выжить, не меняя истории.

– Милая, с тобой всё в порядке? – заботливый мужской голос раздался где-то за моею спиной, а затем я почувствовала лёгкое сжатие плеча надёжной, но нежной ладонью.

– Да, просто всё это для меня слишком волнительно! – слова вырвались у меня изнутри сами собой, словно второе я, в которое душа Наоми только что вселилась, чётко следовало намеченного им же плана. – Извините меня за вызванную неловкость.

– Ничего, мэм! Я понимаю, что не каждый день вы принимаете столь серьёзные для вас и не только для вас решения, – произносит элегантная девушка, держа в руках огромную кипу бумаг.

– Мы для себя уже всё давно выяснили и решили, – произносит мужчина, видимо, муж, – Иви просто волнуется перед первым свиданием.

– Ну, мистер Тейлор, не стоит так волноваться, ваш выбор свёлся к грудничкам, а они молчаливы и, к счастью, мало, что понимают, – произносит уверенно девушка, слегка опуская очки на нос, – просто постарайтесь прочувствовать, когда ваше сердце забьётся сильнее. Это и будет тот самый малыш, которого вы будете любить больше всего на свете.

– Спасибо, мисс Кларк, за совет, – мой муж неловко улыбался, явно плохо расценивая её шутку, но всё же добавил, – и прошу, зовите меня Сайман.

– Хорошо, мистер Тейлор, точнее Сайман. – Слишком приветливо улыбается девушка, но мне пока явно не до неё. – Миссис Тейлор, Иви, готовы пойти на первое ваше свидание?

– Да! – всё, что я смогла сейчас выдать из своего сжатого от страха горла.

– Тогда давайте приступим! Может, уже сегодня вы найдёте своего единственного!

– Может и найдём. На всё воля Божья! – тихо-тихо почти шёпотом произносит Сайман слова, которые звучат слишком жалобно и страдальчески, но, несмотря на всё это, он крепко сжимает мою ладонь в знак поддержки и настоящей решимости.

Мы выходим из кабинета, где так долго беседовали и заполняли кучу основных предшествующих этому событию справок, канцелярских форм и требуемых от нас тестов. Если кабинет был выполнен в сочных радостных жёлто-зелёных тонах, то коридор представлял собой белый слишком длинный и освещённый тоннель с многочисленными дверями, состоящими наполовину из толстостенного слегка затемнённого со стороны коридора стекла.

– Отделение с грудничками находится в самом конце коридора, – разбавляет своими словами белоснежный плен нескончаемого тоннеля грусти и ожидания милая девушка, работающая с нами в качестве специалиста по усыновлению.

На вид слишком юная, но хорошо разбирающаяся в своём деле и, как ни странно, в детях

в целом, она находилась здесь явно на своём месте. Её нежность и чуткость были заключены в оболочку или, сказать лучше, с годами сформированную броню или кольчугу, разрушение которой не поддавалось никому: ни ей самой, ни всем окружающим. Некий прекрасный только что распустившийся рыжий цветок с шипами на стебле мог с лёгкостью постоять за себя и принудить всех сидеть только лишь на своём месте.

Не дойдя до конца коридора всего-то пару метров, из боковой двери справа вылетает, буквально сбивая нас с ног, белокурый мальчишка с зелёными цвета первой травы глазами, которые горят нечеловеческим желанием, погруженным в недетскую грусть. Боль и обида навсегда запечатлены на его милом личике, так рано выросшем и повзрослевшем.

– Привет, Кэти Кларк! – настолько непринуждённо малыш общается с нашей помощницей по усыновлению, что сразу и не скажешь, сколько в действительности ему было лет. – Сегодня ты опять привезла к нам родителей? – последнее сказанное им слово звучит надменно и с отвращением, что волей-неволей становится не по себе. – И, как всегда, их желание свелось к грудничкам, – сочувственный вздох вырывается из его маленького хрупкого тельца, а зелёные глаза, не отрываясь, рассматривают меня.

– Здравствуй, Дэнни! Ты, как всегда прав! Но не отчаивайся, и на твоей улице когда-нибудь будет праздник! – произносит мисс Кларк с совершенно несвойственным ей чувством трепета, поглаживая мальчика по голове, – возвращайся в свою группу, я зайду к вам чуть позже.

Мальчишка разворачивается и молчаливо уходит, а я понимаю, что уже не хочу идти в отделение грудничков. Мой выбор сделан и изменению он не подлежит.

– Мисс Кларк, я хочу усыновить этого мальчика! – очень уверенно и настойчиво произношу я, сама себе удивляясь, а сама в глубине души думаю: «Наоми, детка, да ты и впрямь повзрослела, вот бы Мама сейчас меня видела!».

– Миссис Тейлор, Иви, вы уверены? – произносит Кэти с недоверием, явно желая меня остановить.

– Милая, ты, правда, уверена в этом? – и даже Сайман своим тоном и выражением на лице, старается меня переубедить.

– Да, окончательно и бесповоротно! – отвечаю я, кивая головой в знак подтверждения.

– Тогда, прежде чем ближе познакомиться с Дэнни, стоит вернуться обратно в кабинет для изучения больничной карты ребёнка и заполнения необходимых бумаг для оформления, – с огорчением произносит мисс Кларк.

Да, что-то не так было с этой девушкой? Но меня это мало волновало на тот момент, потому что в первый раз в своей жизни моё желание перекрывало мои, по сути, возможности. Но отступить здесь я не могла, отступить здесь я просто не хотела.

– Вот, миссис Тейлор, возьмите карту мальчика и ознакомьтесь с его заболеваниями и диагнозами, – протянула мне амбулаторный томик мисс Кларк, – а я пока поработаю с бумагами вместе с мистером Тейлором, а потом вы поменяетесь.

Я кивнула головой, мысленно соглашаясь с этой особой. Вообще-то Наоми всегда и всем перечила, даже своей родной Матери, но в этой девушке было что-то такое, что не позволяло мне это делать. Я глубоко вздохнула и открыла эту многотомную книгу ужасов, в душе желая, чтобы кошмары были всё-таки излечимы.

Первое из всего многообразия, что бросилось мне в глаза, было то, что мальчик родился весом чуть больше, чем кило восемьсот, но дышал сам. Сколько же желания жить было сконцентрировано в этом комочке, что он, несмотря на массу отклонений своего хрупкого

здоровья, всё-таки смог обогнуть все трудности и препятствия на своём пути и родиться на свет.

– Где его мать? – вырвалось у меня внезапно, словно голова и сердце стали работать не в ладу друг с другом.

– Она умерла ещё при родах, – вздохнула Кэти, – этот мальчик тяжело ей дался.

– А отец? – продолжила я с намерением выудить всю подноготную мальчика.

– Он отказался от Дэнни, когда тот появился на свет, – Кэти сморщила свой маленький носик и спустила очки чуть ниже обычного, заглядывая мне прямо в глаза, – в наше время слишком мало порядочных людей, да и те научились умело маскироваться, чтобы их не узнала действительность.

К чему это она завела подобные речи? Я некомфортно заёрзала на диване и, чтобы отвлечься от её пронзительных глаз, уткнулась опять в многотомную карточку.

Врождённый порок сердца и операция в год были для меня не единственным шоком, который я испытала, читая эту книгу ужасов, но всё, что бы я там ни вычитала, не могло сломить моё стойкое желание забрать этого малыша с собой.

С одного года до двух мальчик развивался обычно без особых отклонений и изъязнов, а вот после двух, когда ему покорилась высота словесного излияния детской души, Дэнни и приоткрыл завесу своего главного отклонения, в котором, в общем-то, и не было его вины сроду.

Всех мальчишек и девчонок, с которыми он пребывал в детском доме долгое время, как-то быстро разобрали по новым семьям, а его ввиду сложного детского заболевания от рождения и последующего физического отставания забирать просто отказывались. Дэнни, не желая общаться со вновь поступившими, просто замкнулся в себе. Отстранённость и нежелание какого-либо контакта послужили первым стимулом приписать ребёнку синдром раннего детского аутизма, а последующее нервное реагирование на раздражитель в виде истерики и ударов головой о стену вообще создали в его карточке новую главу под названием «Шизофрения». Всё общение Дэнни сводилось к беседам с воображаемым другом, и это навсегда пригвоздило Дэнни к особому постоянному месту в этом детдоме.

– Миссис Тейлор, простите меня за нескромный вопрос, но почему у вас нет своих детей? – Кэти сегодня была невозмутима и неотступна.

Я судорожно старалась найти в закромах своей памяти хоть какой-нибудь ответ, но поскольку Иви и Наоми были едины, то слова вырвались сами собой, обнажая простую действительность.

– В возрасте пятнадцати лет я провалилась под лёд, когда мы с девочками катались на коньках по замёрзшему озеру. Я чудом выжила, но женские заболевания один за другим стали моими вечными попутчиками в становлении статуса половозрелости. – Я вздохнула, вспоминая свою добрую, но сильную Маму. Её речи о том, как они с отцом и не надеялись обрести меня, поскольку папа, будучи Ангелом Смерти, вообще на это был не способен, но всё изменилось, когда Мама оживила его, взяв папино сердце себе под крыло в буквальном смысле этого слова.

– Простите, мне очень жаль. – Кэти покраснела от неловкости, но всё же не смогла удержать себя от следующей реплики, – Дэнни очень особенный ребёнок, его восприятие этого мира отличается от привычного для вас, но он не шизофреник. Жизнь – сложная штука, и она играла с Дэнни не по правилам, но в этом нет его вины, просто он так научился жить, и я как специалист, педагог и просто человек горжусь этим маленьким, но таким сильным и

выносливым человечком!

– Я закончил с документами, – мой муж перебил Кэти, чем заслужил моё восхищение, уж слишком она была заботлива к этому мальчику.

– Замечательно, теперь я погружусь в бюрократические аспекты нашей нелёгкой современной жизни, – я радовалась тому, что ненадолго, но всё же смогу не общаться с заносчивой мисс Кларк.

Когда документы были заполнены и подписаны, мы договорились о близком завтрашнем знакомстве с мальчиком. Мисс Кларк всё так же мило улыбалась, но морщинки на её лбу, совсем не свойственные её возрасту, были натянуты, как напряжённые струны.

Всю дорогу домой мы молчали, а дома, лишь только дойдя до кровати, просто уснули, свернувшись калачиком. Такого напряжения и дискомфорта я никогда не испытывала в своей жизни, как будто несколько часов я ходила по канату над пропастью. Сон был поглощающим и совсем без сновидений – некая потусторонняя дыра с господствующей в ней безмятежностью.

Утро наступило так быстро, словно мы и не спали. Мы по-армейски быстро позавтракали, и, прихватив с собой машинку и коробку пирожных, мчались в детский дом номер восемь на утреннюю беседу к своему новому сыну.

Шёл дождь. Мелкий морозящий и, кажется, совсем не собирающийся заканчиваться дождик навевал и без того господствующее чувство грусти и страха. Мисс Кларк ожидала нас на крыльце. Свежая и нарядная, она просто светилась как солнышко.

– Доброе утро, Сайман, Иви! – кивнула она нам, – готовы приступить к следующему важному этапу процедуры усыновления?

– Да, Кэти, готовы как никогда, – произнесла я за двоих, но уверенности в глазах хватало не каждому. Сайман в отличие от меня был охвачен думами, в дебри которых я лезть не хотела, по крайней мере, не в данный момент и не в эту секунду.

– Тогда не будем задерживаться у входа. Тем более нас уже ждут. – Кэти, не удосужившись убедиться в нашей положительной реакции, неслась по коридору к двери комнаты для общения.

– Здравствуй, Дэнни! – с нежностью Кэти погладила по голове светловолосого мальчика, а затем, улыбнувшись, добавила, – это Иви и Сайман, они хотят быть твоими родителями.

– Здравствуй, Кэти! – мальчик говорил монотонно, а лицо его было скованно и напряжено до предела, – доброе утро, миссис и мистер Тейлор. Как ваши дела? – поначалу мне показалось, что ребёнок просто боится незнакомых людей, но его последующие фразы сразу опровергли мои предположения, они просто разбили их в хлам. – Странно, что вы вообще пришли ко мне. Обычно все передумывают.

– Дэнни, мы очень хотим забрать тебя и быть твоими родителями, – робко и осторожно я обращалась к нему, – если, конечно, ты позволишь нам это.

– Всё зависит не от меня! – Дэнни засмеялся, – вы сами куёте своё счастье, и от вашего выбора зависит дорога, по которой вы будете двигаться.

– Дэнни, мы принесли пирожных, чтобы всем вместе позавтракать, – Сайман пытался наладить с ним хоть какой-то контакт. – А ещё у нас для тебя припасён автомобиль, чтобы дорога до дома казалась быстрее.

– Мой биологический отец, как мне сказали, является дальнобойщиком, и я ввиду понятных всем признаков с недавних пор не терплю никакие машины. Но не расстраиваетесь, в этом нет вашей вины – у каждого ведь своё детство.

– Дэнни, я надеюсь, что твоя дальнейшая жизнь наполнится светом, которого тебе так не хватало, – уже всхлипывая, произносила я каждое слово.

– Мне не хватает любви, а не выдуманного вами света! – Дэнни крикнул так, что слёзы полились из глаз неожиданно и непроизвольно.

– Успокойся, Дэнни, я уверена, что именно это и имела в виду Иви, говоря нам о свете, – Кэти опять дотронулась до его головы, – давай лучше попьём чаю.

– Хорошо, Кэти, прости, что огорчаю тебя! – мальчик вздохнул глубоко, а в глазах появилась тоска и невыносимая боль, – кажется, я опять остаюсь в детском доме.

Всё чаепитие мы с Сайманом молчали, слушая, как Кэти расхваливает Дэнни. Она искренне восхищалась его успехами в плавании и новой картиной, которую он нарисовал ей в подарок. Она так легко и непринуждённо говорила с ним обо всём: об учёбе, хобби, погоде и даже о его вымышленном друге, называя его по имени и обращаясь к нему за столом. Слушая всё это, я чётко усвоила себе, что мальчик не такой, как его все описывают: да странный, да болезненный, да помешанный, но не больше, чем все остальные. И я чётко решила сама для себя, что я непременно заберу этого чудака из детдома. Когда я поставила в своих мыслях жирную точку, слова, сказанные Дэнни, ввели меня в ступор.

– Если вы, Иви и Сайман, всё для себя предельно решили, то не стоит задерживать ни меня, ни себя, а лучше направиться по домам, чтобы подготовить всё для моего переезда, – Дэнни встал резко из-за стола и направился в свою комнату.

– Вот такой и есть в реальности наш чудака Дэнни, но он не плохой! – пожимая плечами, говорила мисс Кларк, смотря огромными карими глазами на свои сплетённые руки. – Если вы по-прежнему хотите забрать Дэнни, то пройдёте в кабинет, чтобы поставить последнюю подпись.

И мы направились в кабинет. Долго разговаривали и обсуждали мальчика. Я консультировалась у Кэти, как лучше обустроить его спальню, и какие игрушки купить. Она сказала, что Фоксик – друг, которого Дэнни себе выдумал, любит оранжевое, но спит на лиловой подушке. Прежняя подушка мала и порядочно измоталась, и Дэнни был бы рад новой кровати для Фоксика.

После долгого разговора с мисс Кларк мы с Сайманом мчались в торговый центр, чтобы купить всё нам необходимое, для того чтобы Дэнни смог уже к концу этой недели переехать в свой новый дом.

Выбрав кровать и постельное, я никак не могла найти подушку лилового цвета, и Сайман подсказал мне зайти в отдел тканей, чтобы купить материал и самой сшить лиловый чехол для подушки. Но когда мы с мужем нашли и вошли в нужный нам магазинчик, я почувствовала себя плохо, но решила никоим образом не выдавать себя Сайману. Мы отыскивали нужного нам цвета материал, а когда Сайман позвал продавца, чтобы нам отмерили всего лишь три метра, я, коснувшись материала, просто падаю в обморок.

Пришла в себя я только в больнице. Мой муж сидел рядом и улыбался как сумасшедший.

– Что со мной случилось? – произнесла я, пытаюсь подняться с кровати.

– Тише, лежи, – Сайман подбежал ко мне, укладывая обратно в кровать, – тебе нужен покой!

– Что? Мне нужно домой, чтобы устроить детскую для Дэнни! – закричала я на него, раздражаясь от его глупой ухмылки.

– Иви, мы не будем усыновлять Дэнни, потому что ты беременна, тебе нужен покой, а он не даст тебе этого. Я много работаю, поэтому не смогу заботиться о тебе и о мальчике.

Иви, прояви, наконец, благоразумие, он – угроза для нашего с тобой малыша!

– Сайман, что ты сейчас говоришь, я не верю тебе! – я плакала, но не от того, что Сайман не хотел усыновлять Дэнни, а от того, что я наконец-то смогла забеременеть, и у меня будет малыш.

Когда пришёл доктор, то подтвердил мне слова, которые я так хотела услышать уже целых пятнадцать лет брака. Я была на седьмом небе от счастья и в помине не думала ни о каком Дэнни. Я просто вычеркнула его из своей жизни, как забытую и ненужную вещь.

Отлежав в больнице больше месяца, я вернулась домой. Мой слегка округлённый живот начал выдавать моё интересное положение, чем меня несказанно радовал. Я проводила Саймана на работу, а сама принялась разбирать накопившуюся почту, которую Сайман не в силах был рассортировать без меня. И, дойдя где-то до середины внушительной бумажной стопки, я наткнулась на письмо, подписанное детской рукой. Это было письмо от Дэнни. Сайман, конечно, не позволил бы мне его прочитать, если бы сам разбирал почту, но он, к сожалению, этого никогда и не делал. И даже сейчас он вырвал его бы у меня из рук, но Саймана не было дома, поэтому я вскрыла конверт, погружаясь в пляшущие детские буквы.

«Дорогая миссис Тейлор, я очень рад за вас! Вы наконец-то обретёте своё настоящее счастье. Мисс Кларк запретила мне писать вам письмо, но я тайком высмотрел ваш адрес. Я написал вам, потому что не мог не поблагодарить за вещи, которые передал мне от вас мистер Тейлор. Лиловый чехол для подушки, сшитый вашими руками, очень нравится Фоксику. Он жадничает и не даёт мне даже прикоснуться к подушке. Спасибо вам большое за всё, хоть вы и не стали забирать меня в свой дом, но вы далеко не единственные, которые от меня отвернулись. Видимо, я вас недостоин! Простите и прощайте, миссис Тейлор! И, Иви, будьте счастливы, несмотря ни на что, какие бы препятствия не сулила вам жизнь, как это делаю я!»

Бросив письмо на пол, я схватилась за свой округлившийся совсем недавно живот. Резкая боль пронзила меня всю насквозь. Я упала на колени и почувствовала тёплую жидкость, текущую у меня по ногам. Боясь посмотреть вниз, я набрала номер мужа, которой примчался ко мне так быстро, как не делал никогда, но этого, к сожалению, нам не хватило.

Долгие годы ушли у меня на восстановление. Я вышла из больницы сломленной и подавленной, часто вспоминая Дэнни, чтобы хоть как-то себя оправдать, но мне никак не удавалось этого сделать, отчего лечение затягивалось и не давало должные результаты. Теперь я, как и Дэнни, общаюсь с невидимым и неизвестным объектом и зову его Харди. Теперь-то я понимаю ребёнка и не считаю его сумасшедшим.

Как-то днём я решила прогуляться по городу, чтобы хоть как-то отвлечься. Шагая по главному городскому проспекту, я решила свернуть на узенькую полную книжных магазинчиков улочку и никак не ожидала встретиться лицом к лицу с ребёнком, которого боялась больше всего на свете.

Дэнни, держась одной рукой за ту самую Кэти Кларк, вёл на поводке рыжего спаниеля. Я сразу вспомнила каждое слово из его кричащего мне письма. И вопрос, который мучил меня уже столько лет, наконец-то нашёл свой ответ. Лиловый чехол для подушки сшила не кто другой, как сама Кэти, боясь, что мальчик не переживёт ещё одну, уготованную мной травму, поэтому-то и выдала себя за меня, думая, что сшитая мной наволочка скрасит отчаяние ребёнка. И, к моему удивлению, она была и в этом права!

– Здравствуйте, Иви! – Дэнни просто светился от счастья, – мы с мамой покупали книжки по воспитанию Фокса – он у меня такой непослушный. Кстати, он по-прежнему

любит вашу подушку.

Я вытаращила свои глаза на него и на Кэти, не в силах сказать им не единого слова. Испуг завладел мной и моим телом, и даже столкнувшись лицом к лицу со своим жутким страхом, я не смогла попросить у ребёнка прощения. Закрыв рот руками, я с дико вытаращенными глазами бросилась от них прочь. Я бежала так быстро, как только могла, боясь, что они всё-таки станут преследовать меня, но лишь залиvistый лай золотистого спаниеля был моим преследователем и попутчиком. Выбегая на новый перекрёсток, я решила оглянуться назад, чтобы удостовериться в том, что за мной не бегут, но останавливаться при этом я не хотела, поэтому, не смотря на дорогу, я выбежала на шумную проезжую часть, и была почти сразу же остановлена навсегда золотистым тонированным «Фордом». Мне было больно, но я была рада тому, что моя жизнь и история этой двери наконец-то закончилась. Третья история многому меня научила, но справиться с ней я по-прежнему не смогла, а раньше-то мне казалось, что Наоми может сделать всё, что угодно, но и тут я опять ошибалась.

Глава 5

Дверь четвёртая – «Последний трамвайчик»

*Пока сменяется ночь с днём,
Пока душа горит огнём,
Ты жизни сладости вкушай,
Но помни, существует край.*

Наоми Томпсон-Саммерс

Моё изнывающее от нестерпимого жара тело не позволило мне долго пребывать в неведении, валяясь на замусоленном коврикe. Колючий холод окружающего меня воздуха раздражал все мои оголённые рецепторы, посылая нервные импульсы в мозг. Я лежала, боясь встать и себя осмотреть. На что же теперь стала похожа красотка Наоми, мне страшно было даже представить.

Округлая тёмная комната с тринадцатью дубовыми дверями неожиданно приобрела новый вид: красные текстильные обои, слегка почерневшие снизу, были заляпаны детскими ручками, а напротив некогда пушистого чистого коврика теперь располагалось элегантное девичье трюмо с огромным зеркалом, окаймлённым серебристой оправой.

Я поднялась с пола, по-прежнему превозмогая режущую тело боль, и с большим трудом заставила себя взглянуть на новое тело со стороны. Огромное зеркало без труда демонстрировало мне изменившийся образ. Когда-то прекрасные руки теперь по плечо были покрыты отвратительной змееподобной чешуёй в точности так же, как и изогнутые худосочные ноги вплоть до самого окончания девичьего бедра. Моя пижама с ушками кролика на капюшоне вся испачкана грязью и кровью с очевидным перевесом второго, а большая морковь, торчащая из нагрудного подобного сумки кенгуру кармана, теперь топорщилась ещё больше, чем порождала стойкое желание задрать кофту с целью осмотреть свой живот. И это непременно стоило сделать, как убедилась я позже. Низ живота, как раз в том месте, где внутри располагаются женские органы, был чем-то изодран, а ржавая колючая проволока обвивала несколькими ободками моё потрёпанное тело, словно сдерживая все его части на своём месте. Я втянула с силой живот, проверяя можно ли избавиться от витков проволоки, но была огорчена тем, что ободки соединяются между собой и друг с другом тонкой стальной проволокой, проходящей прямо сквозь моё тело, словно прошивая его.

– Любуешься своим видом? – произнёс Лорд, вставая прямо за моею спиной. – Я смотрю, ты всё хорошеешь!

– Как и ты! – злобно прыснула я словами ему в ответ, следя за его реакцией по образу в зеркальном полотне.

– Милая Наоми, я клянусь тебе, что твой образ больше мне по душе, чем тот, в котором я пред тобой предстою, – Лорд вышел из-за спины и встал рядом, – скажи мне, что же ты видишь?

– Я вижу холёного дорого одетого юношу лет семнадцати, – спокойно отвечала я на поставленный вопрос, зная, что слёзы и истерика ни к чему всё равно меня не приведут.

– А так, – Лорд провёл ладонью от своего лица до самого низа, и передо мной открылась

уже другая картина.

Образ прекрасного розовощёкого юнца сменился изрядно подъеденным рыбами и обитателями глубин трупом человека, пролежавшего в воде не один месяц. Отсутствие левой половины головы и кистей обеих рук несильно испортило и без того изначально ужасающий образ. Затем Лорд опять провёл остатком руки вдоль своего обезображенного тела, и предомной предстал уже обычный скелет без малейшего куса плоти, потом явился Ангел Смерти в излюбленном чёрном своём балахоне и только лишь после всех представлений ко мне вернулся тот Лорд, которого я и увидела впервые в окне своей комнаты.

– К чему всё это зрелище? – тихо-тихо говорила я, но не от страха, а от наплывшего на меня внезапного бессилия.

– Это всё я в разных своих проявлениях, – пожал плечами Лорд, – так заканчивались все мои жизни, пока я не решился остаться там, куда всегда и возвращался.

– Ты был человеком? – с неподдельным интересом произнесла я.

– К сожалению, да! Но я не люблю распространяться об этом! Я лишь показал тебе, что в итоге останется то, кем мы и являемся. Твой образ полностью продиктован тобой. Проживай свои жизни с умом и, возможно, безобразия прекратятся. Хотя повторюсь: твой образ мне по душе.

– Я готова приступить к четвёртой двери! – уверенно и громко произнесла я, желая прекратить этот ни к чему не приводящий нас разговор.

– Я и не сомневался в этом! – буркнул Лорд, вставая спиной к элегантному трюмо, чем, казалось, выказывал отвращение к подобной показной роскоши. – Позволь мне помочь тебе добраться до четвёртого рубежа. Я уверен, что ты ещё не привыкла к своим новым конечностям, – Лорд, улыбаясь, взял меня нежно под локоть и подвёл к двери под номером четыре, латунная ручка которой на этот раз была выполнена в виде деревенского домика.

– Я думаю, что ты никуда не уйдёшь, и встретишь меня по возвращению из этой мучительной неизвестности, – погладила я по лицу Лорда своей липкой чешуйчатой рукой, а он даже не отодвинулся от меня, а наоборот крепко поцеловал запястье в ответ.

– Я буду ждать тебя, Наоми! – прошептал Лорд, – и, судя по первым трём путешествиям, мы вряд ли теперь сможем расстаться!

Я вырвала свою руку из крепких объятий, не желая заранее соглашаться с его доводами. Мне абсолютно точно нужно было вернуться хотя бы для того, чтобы извиниться перед своей Мамой и сказать, как сильно я её люблю! Но чтобы всё это сделать мне предстоит идти по этой тернистой дороге ещё слишком долго, но я верю, что в конце пути я увижу яркую, пылающую сочными красками, радугоу.

Когда дверь за моею спиною захлопнулась, я как-то пропустила промежуточный период блуждания до нового мира и сразу очутилась спящей среди разнотравья обычного деревенского луга.

Тишина, разбавленная только жужжанием пчёл, была мне прежде знакома. Тот же самый звук, когда я, спрятавшись от родителей, сидела в цветочной клумбе за нашей часовней, как колыбельная ласкал мне душу и сердце, и на мгновение я даже позволила себе подумать, что мои страдания кончены, и я наконец-то вернулась домой, как чей-то ласковый, но чужой голос позвал меня новым для меня именем.

– Джек, ну где же ты? – голос усиливался, что значило только одно: объект звучания приближается. – Вот ты где! Ужин уже готов, может, составишь старушке-матери компанию?

Я открываю глаза и вижу перед собой милое истёртое временем лицо, которое

буквально светится нежностью и любовью ко мне.

– Конечно, мама, можешь накрывать на стол, а я сейчас подойду, – говорю я как можно нежнее, чтобы выкроить время для осмотра нового я.

– Не задерживайся! Я хочу накормить тебя свеженьким ещё не остывшим ужином, как тогда, когда ты был ещё маленьким, – произносит она и спешно удаляется с луга.

Когда силуэт полностью исчезает из виду, я сажусь лицом к уходящему за горизонт солнцу, чтобы ещё раз насладиться окрашенным золотисто-пурпурными красками летним пейзажем, пытаюсь при этом упорядочить свои новые воспоминания обо мне. Пока в голове лишь загустевшая каша прихожу к выводу, что здесь мне нравится больше всего, если учитывать мои скромные путешествия по чужим жизням. Яркое вечернее солнце, малиновый закат и сочная луговая зелень, разбавленная яркими пятнами синевы васильков и стыдливых огненных маков, как бальзам успокаивают мою заблудшую душу, приводя наконец-то все мысли в порядок.

Я – Джек Миллер, единственный сын этой скромной заботливой женщины, которая родила меня для себя, когда ей было уже прилично за сорок. Сейчас мне где-то за тридцать, я живу в городе далеко от этого места. Эта хрупкая снаружи, но сильная внутри женщина работала не покладая рук и выучила меня в приличном университете, чем позволила мне занять выгодную жизненную позицию в виде должности начальника отдела одной довольно престижной фирмы. Осознавая с каждой минутой всё, что эта женщина сделала для меня за всю свою жизнь, я пропитываюсь любовью к ней буквально от самых пяток, но чувство горести за то, что собственную родную Мать я, мягко говоря, недолюбливала, хотя она делала для меня так много, о значимости и величине поступков которых эта милая старушка даже и догадаться не сможет, заставляет скупые мужские слёзы покатиться из глаз. Я с тяжёлым сердцем заставляю себя встать с поляны, чтобы наконец-то начать своё перемещение к небольшим двенадцати домикам, стоящим почти у самой реки, с одной только мыслью: поскорее вернуться домой, чтобы хотя бы суметь сказать Маме простое человеческое спасибо, но боюсь, что человеческого для неё будет уже недостаточно.

По зову сердца и отголоскам памяти иду к самому ухоженному домику. Он небольшой, но аккуратный, белая краска ещё не везде высохла, отчего он кое-где выглядит сереньким. Цветочки на окнах и вышитые вручную занавески просто излучают домашний уют. Захожу в дом, мама встречает меня своей влюблённой улыбкой. Мы проходим на кухню, где тихо играет радио, а аромат жаренной на гриле говядины и обычного деревенского салата моментально проникает мне в нос, чем заставляет мой желудок журчать ещё сильнее. На столе всё домашнее: мясо, овощи, молоко – никаких вам фастфудов и быстро, только натуральная полезная пища.

– Мама, давай я куплю тебе телевизор? – произношу я, когда желудок переполнен уже через край.

– Сынок, у меня есть радио для того, чтобы слушать новости и наслаждаться нотками музыки, а смотреть на ужасные порочные картинки у меня желания нет. Мне и новостей достаточно, чтобы так сильно бояться за тебя в городе, что даже глаз за всю ночь сомкнуть не суметь.

– Мама, мир не так уж и плох! – восклицаю я ей в ответ, потому что испорчен с головы до ног благами прогресса.

– Я знаю, дорогой, потому что он дал мне тебя! Уже за это я радуюсь миру каждый день, несмотря на все горести, происходящие на нашей земле.

– Мама, ты – Божий одуванчик! – говорю я, целуя её в лоб, – спасибо за ужин, пойду отдыхать. Завтра же мы идём помогать Стивенсонам в строительстве их сарая?

– Да, если ты, конечно, не передумал! – мама улыбается, но как ей откажешь. – Да ещё у них имеется на выданье чудесная девушка. Хочу тебя с ней познакомить. Знаешь, я уже далеко не молодуха и хочу понынчиться с внуками, а в этом городе у тебя на уме только работа, даже про меня частенько стал забывать.

От безысходности просто улыбаюсь и начинаю удаляться, поднимаясь по лестнице. Какой же я всё-таки сукин сын! Да и дочка-то в принципе такая же! И как меня этот мир терпит!

Моя комната находится на чердаке, но поскольку это единственная комната наверху, то она огромна, если брать во внимание деревенские размеры существующих комнат. Здесь всё осталось по-прежнему, всё расставлено ровным счётом так, как и было пятнадцать лет тому назад, когда я и покинул материнский дом. Полосатые обои нежных тонов, где белые полосы мягко поглаживают серо-голубые, заставляют кровь медленнее бежать по моим венам. Небольшое окно, воздушная тюль и плотная стальная штора рождают в моей голове юношеские воспоминания, когда я пытался здесь охмурить свою одноклассницу, которая, кстати, тоже давным-давно покинула эти места. Книжный шкаф, до отказа наполненный книгами, меня здорово выручал и не только тем, что был источником моих фантазийных скитаний, но и хорошо скрывал деньги и выпивку. Моя бедная мама думала, что я не сынок-разгильдяй, а ангельский ребёнок, который ниспослан ей небесами. Хотя ума мне хватило всё-таки, чтобы окончить университет и устроиться на работу. Выходит, не такой я и безнадёжный. Мама всё чаще и чаще заговаривает о внуках. Дети в наш век! Я, наверное, не создан для семьи и отцовства. От одной только мысли, что какая-то женщина будет хозяйничать в моей роскошной городской квартире, мне становится плохо. По этому поводу матери говорить я ничего не хочу, зачем старушку расстраивать. Иногда неведение спасает от лишних расстройств, продлевая при этом жизнь. Совершенно не раздеваясь, я заваливаюсь на свою заправленную кровать и просто закрываю глаза в поисках хотя бы мизерного шанса заснуть. И к утру, освободившись от цепких лап терзающих меня дум, мне всё же удаётся это сделать, жаль, что через часок мама уже поднимет меня с кровати для того, чтобы помочь соседям в постройке их нового сарая.

Дом Стивенсонов расположен у самой реки так, что терраса одной из сторон находится над водой, и можно, просто не выходя из дома, болтать ногами, разрезая водную гладь спокойной полноводной реки, чему я почему-то был несказанно рад.

Каркас сарая был уже подготовлен, и нам надо было просто набивать на него доски. Я помогал отцу семейства и двум его сыновьям, конечно, не столько по собственному желанию, сколько потому, что они давали моей матери бесплатно молоко и сметану. Их, как выразилась моя матушка, дивная дочурка была пышной круглолицей блондинкой лет двадцати. Её неприлично расстёгнутый сарафан до неприличия обнажал роскошную грудь пятого размера и намерения Стивенсонов во что бы то ни стало выдать свою дочурку за меня замуж, но они при этом сильно заблуждались, если действительно думали, что в городе такие особы отсутствуют. Они были бы очень огорчены тем фактом, что я встречал дам и получше, и не одна из них этим меня захомутать не смогла.

Сборка сарая была завершена, когда солнце мягко ложилось на горизонт, спокойно готовясь ко сну, а мы в свою очередь к великому пиру, который Стивенсоны закатали по поводу деревянной постройки. Жаренные на костре куски говядины, свинины и целые

курицы украшали по-деревенски богатый стол, чередуясь с рыбой, просто кишащей в этой реке. Самодельное пиво и домашнее вино лилось через край. Похоже, что Стивенсоны постарались не на шутку, чтобы оказать на меня впечатление.

За столом белокурая Кэрри сидела рядом со мной и болтала, не останавливаясь, даже, когда её рот был полон еды, она всё-таки умудрялась выдавливать из себя фразы. Я так устал от этой девчонки. Всё, что мне было сейчас от неё нужно, сводилось к простым постельным утехам, но в месте, где живёт моя мать, я этого делать не собирался. Вот приеду в город и развлекусь, а сейчас мне как-то нужно просто вырваться из посиделок и вернуться домой.

– Спасибо вам за угощения! Я отправляюсь домой, уже слишком поздно, и я очень устала! – совершенно неожиданно для меня произносить реплику моя мать, а затем резко поднимается из-за стола, держась одной рукой за свою спину. – Что-то сильно разболелась спина, хотя тяжелее кастрюли я сегодня и не поднимала, наверное, старость берёт своё, и моя смерть уже не за горами.

– Что ты такое говоришь, мама! – подхватываю я её за локоть, – просто ты утомилась. Я провожу тебя домой.

– Ты не останешься? – произносит мама, хотя я вижу, что она делает это из вежливости.

– Мама, я приехал сюда к тебе! Неужели я отпущу свою скрюченную старушку одну ковылять до дома? – склонив голову, я её обнимаю, – пойдём отдыхать! Спасибо Стивенсоны за вкусный ужин и тебе Кэрри за чудную беседу, – произношу я, спешно выводя маму из-за стола.

Я так громко вздохнул, когда мы вошли в свой маленький, но уютный домик, что мама цыкнула нервно зубами. Но такого освобождающего душу облегчения я, правда, давно не испытывал.

– По твоему милому личику было заметно, что ты с самого вечера хотел отсюда убраться! – играючи прикрикнула на меня мама, – неужели, она совсем тебе не понравилась? – потом, немного нахмурившись, добавила, – хотя, конечно, её наряд был слишком вульгарен, возможно, ты и прав! Какая-то распутная особа неожиданно выросла у такого семейства.

– Мама, я пока совсем не настроен на семейную жизнь, в моём бешеном графике на это сейчас нет ни капли свободного времени, – пожимая плечами, выпаливаю я.

– В твоём бешеном графике скоро и для меня не останется места! – фыркает мама и удаляется в свою спальню.

Не дав мне ни единой возможности оправдаться, как будто зная, что все мои отговорки не больше, чем ложь, она хлопает дверью, оставляя меня в крошечной темноте и холодящей кожу тишине и неизвестности. Отсутствие мыслей и замыслов позволило мне стоять в гостиной, наверное, больше часа, а лишь потом пойти в свою комнату лишь потому, что мои руки и ноги замёрзли, а голова начала побаливать от выпитого пива.

Следующий день я почти полностью провёл в своей детской комнате. Хандра, захватившая моё тело, заставила меня валяться в постели. Мама, всерьёз обеспокоенная моим самочувствием, решила, что я простыл, помогая Стивенсонам, и была чертовски зла за это на них, поэтому никакого разговора о Кэрри она сегодня не заводила. Она окружила меня заботой и чрезмерной опекой, подавая мне завтрак, обед и ужин прямо в постель.

Почти двое суток я позволил себе валяться, не вставая с кровати, пока мою хандру не разрушил знакомый звук мобильного телефона, оповещающий меня о бедственном положении в офисе моей фирмы.

Мои силы, так долго где-то отсутствующие, мгновенно вернулись ко мне, и я как бешеный метался по комнате, приводя себя в полный порядок. Плотнo пообедав и попрощавшись с матерью, я прыгнул на сидение своего внедорожника и ринулся в путь с твёрдым обещанием приехать к маминому дню рождения в конце этого месяца.

Дела в офисе были куда хуже, чем я себе представлял. Сделка, над которой мы бились почти полгода, принесла нам убытки лишь потому, что какой-то талантливый суперсотрудник подготовил ошибочный отчёт на шесть месяцев вперёд о прибыли новой фирмы, и мною подписанный фьючерсный контракт неожиданно для меня дал сбой. Как же я мог так глупо довериться сотруднику, не проверив всё сам досконально? Надеюсь, что шеф даст мне возможность исправить чужие огрехи.

– Добрый вечер, мистер Шейн, – произношу я, входя в его кабинет уже поздним вечером или, лучше сказать, ночью.

Блёклый лунный свет проникает сквозь стеклянную сторону кабинета, слабо освещая его. Шеф сидит в своём кресле, повёрнутом спинкой к двери, поэтому я не могу видеть лица, чтобы точно оценить его настроение. В правой руке плотно сжат бокал коньяка, а левая держит сигару. Обычно он курит, когда слишком волнуется, а пьёт, когда злится, значит, ничего хорошего из разговора не выйдет.

– Не думаю, что он добрый, по крайней мере, для тебя, – сквозь зубы выдавливает шеф и шумно глотает находящуюся во рту порцию коньяка.

– Я всё исправлю, сэр, и обязательно приму решение, чтобы наказать виновных, допустивших такое, – решительно выпаливаю я с уверенностью переломить исход боя на свою сторону.

– Конечно, накажешь, и это будет последнее решение, которое ты примешь, работая на меня, – как снег на голову сваливается на меня его жёсткий вердикт, хотя если подумать, то я его заслужил. Просто сам факт осознания никак не укладывался в моей голове.

– Мистер Шейн, дайте мне шанс всё исправить. Я хочу свести все убытки к минимуму, – я кое-как сдерживаю себя, но пытаюсь выпросить у босса прощение.

– Ты уже это сделал! – шеф разворачивает своё кресло, и его злобные блестящие от алкоголя глаза впиваются в меня, не давая мне шанса. – Твоя квартира и машина пошли на ликвидацию всех убытков, я выплачу тебе последнюю зарплату, и ты уберёшься и из моей фирмы и из города в целом. Даю тебе две недели на то, чтобы собрать свои вещи и отдать мне спокойно ключи от всего, что у тебя было. Теперь мы друг другу ничем не обязаны! Пошёл прочь отсюда!

Я пулей выскочил из кабинета. Смежное чувство давило мой помутневший рассудок. Я ничего и никому теперь не должен, но у меня ничего не осталось. Я – бомж, у меня нет ни работы, ни квартиры, ни машины, ни денег. Куда мне идти? Возвратиться назад в деревню к моей мамочке и жениться на Кэрри, как хочет она. Я пропал! Моя жизнь кончена.

С таким сумбуром в голове я зашёл в свою бывшую квартиру и уже тут, на своей территории, я зарыдал как подросток, у которого хулиганы отняли велосипед. На карачках я дополз до бара и, дотянувшись рукой до бутылки, я принялся её опустошать. Мой бар был внушителен, его запасов хватило ровным счётом на то, что я целую неделю буквально не вставал с пола, а потом и пришла последняя зарплата – подачка от самого шефа. Я собрал чемодан своих дорогих вещей, абсолютно не зная, куда я смогу выходить в них в деревне, положил ключи от машины и квартиры на тумбочку, уведомив при этом любимого босса, и пошёл прочь, как мне было велено. К сожалению, мой путь был проложен не к автобусной

остановке, а в ближайший бар, в котором я заливал своё горе, просаживая последние деньги, недели две как минимум. Мой мобильник постоянно трещал, но я отключил его, засунув в дальний карман своей куртки. Сейчас не то время, чтобы слушать чей-то голос. Я просто хотел пить. Пропив все деньги до копейки, я отдал чемодан с дорожными в нём вещами за один билет к маме обратно в деревню, и как последний опойка храпел на весь автобус, пока не доехал до места.

[Купить полную версию книги](#)